

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»

Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

**Изучение истории
Великой Отечественной войны:
противодействие фальсификациям**

Методические рекомендации

Казань - 2020

Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

История Великой Отечественной войны: противодействие фальсификациям. Методические рекомендации к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Казань, ИРО РТ, 2020 – с. 124

Редактирование: И.В. Сафронова кандидат исторических наук

Авторы-составители:

И.В. Сафронова кандидат исторических наук (гл. I: 1.1, 1.3; гл. II)

Д.И. Улбутов, кандидат исторических наук (гл. I: 1.2; гл. III)

И.М. Фокеева, заслуженный учитель РТ (гл. IV)

В брошюре представлены материалы по истории Великой Отечественной войны, рассматриваемые в контексте разнообразных интерпретаций зарубежных и отечественных историков и публицистов. Даны методические рекомендации по изучению истории сражений Великой Отечественной войны в рамках образовательного процесса с учетом публикации новых данных, а также продолжающихся фальсификаций событий.

Брошюра предназначена в помощь учителям истории и обществознания, а также методистам информационно-методических центров, курирующих предметную область «Общественно-научные предметы».

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	с. 4-6
1. Вторая мировая войны: взгляд через призмы истории и политики	с. 7-48
1.1. 75-я юбилейная годовщина Победы в Великой Отечественной войне и актуализация ревизионистских тенденций в геополитике и истории	с. 7-15
1.2. Фашизм как цивилизационная проблема: генезис и история	с.16-31
1.3. Истоки Второй мировой войны: исторические факты и псевдоисторические мифы	с.32-48
2. Великая Отечественная война: основные приемы фальсификаций и способы противодействия	с.49-81
2.1. Как «Генерал Зима и генерал Грязь» победили доблестный вермахт, или природно-географические условия как ключевой фактор победы	с.49-54
2.2. Как «немецкая армия погибла из-за предательства Гитлера», или влияние решений военного командования на ход военных действий	с.55-64
2.3. Как Германия погибла в «коралловых рифах Тихого океана», или роль военных союзников СССР в разгроме агрессора	с.65-69
2.4. Людские и материальные ресурсы как фактор, определяющий победителя	с.70-78
2.5. Человеческие потери в войне как индикатор цены Победы	с.79-81
3. Социокультурное пространство памяти о Великой Победе: культурные коды Победителей и потомков Победителей	с.82-105
4. Методические приемы изучения и обсуждения событий Второй мировой, Великой Отечественной войны в контексте новых интерпретаций	с.106-117
Литература и Интернет-ресурсы	с.118-124

Введение

Всё дальше уходит в прошлое героическая и трагическая эпопея Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. В этом году мы отмечаем 75-летнюю годовщину со дня её победоносного завершения. С каждым годом всё меньше остаётся среди живых тех, кто принимал в ней непосредственное участие: сражался на фронтах, в партизанских отрядах, ковал победу в тылу, стойко переносил тяготы оккупационного режима. Уже выросло не одно поколение, память представителей которого о Великой Отечественной войне формируют учебная и художественная литература, документальное и художественное кино, а теперь – и интернет-ресурсы.

Какой будет эта память? Адекватной или подверженной коррозии? Полной или избирательной? Наполненной чувством благодарности военному поколению за беспримерный подвиг, за спасение Отечества или холодным равнодушием? Вопрос обращён, когда речь идет об образовательном процессе, прежде всего к учителю истории, и затрагивает сферу его компетенций, методологической культуры, профессионального и методического мастерства.

Нарастающая историческая дистанция, ослабление непосредственной связи между прошлым и настоящим, безусловно, затрудняют учителю решение его задачи, связанной с патриотическим воспитанием. Но, пожалуй, более всего затрудняет её рукотворное соседство в истории Второй мировой, Великой Отечественной войны, исторических фактов и псевдоисторических мифов, являющихся результатом не только наивных заблуждений, но и преднамеренных, сознательных фальсификаций, искажений истины, ревизии исторических событий.

Эти фальсификации, искажения и ревизии неотделимы от истории Второй мировой, Великой Отечественной войны. Они возникли в самом её ходе, с новой силой заявили о себе на этапе «холодной войны» и продолжают до сих пор. Это, между прочим, указывает на величие свершенного военным поколением в 1941 - 1945 годах, на эпохальное значение Победы над агрессором, а

также на стратегические цели тех, кто стремится придать мифам и фальсификациям вид исторической правды с тем, чтобы духовно растлить, дезориентировать подрастающее поколение, превратить его в «Иванов, не помнящих родства».

Есть и относительно новые цели. Одна из них заключается в том, чтобы возвести непреодолимые барьеры между советской и российской историей, ревизовать историю в контексте меняющихся геополитических тенденций, создавая условия для пересмотра истории Второй мировой, Великой Отечественной войны, её результатов, а заодно и исторической роли нашей страны, нашего народа в ней.

Однако для нескольких поколений и советская и российская история составляют общую биографию, а Великая Победа над коварным и сильным врагом - ее важное связующее звено. Доктор исторических наук Н. А. Нарочницкая в своей статье «Историософия интерпретации Великой Отечественной войны» отмечает: «Без осознания смысла Великой русской Победы, этого важнейшего события нашей многострадальной истории в XX веке, невозможно понять суть мировых процессов и судьбу послевоенного СССР. Ибо Великую Отечественную войну СССР выиграл в своей ипостаси Великой России. Став Отечественной, война ... воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально и в государственном будущем разорванную, казалось навеки, нить русской и советской истории»¹.

Несмотря на то, что мифы и фальсификации насчитывают не один десяток лет, они не утратили «изначальной актуальности». Анализ обнаруживает использование уже однажды апробированных приёмов, что указывает на скудость их арсенала. Это, как правило, ссылки на экстремальные погодные условия, которые становятся таковыми почему-то только для агрессора, на ресурсное превосходство победителя, на роковые ошибки гитлеровского военного ко-

¹ Нарочницкая Н.А. Историософия интерпретации Великой Отечественной войны // Время и человек в зеркале гуманитарных исследований: Материалы Пятой международной летней культурно-антропологической школы молодых ученых "Культура - Образование - Человек": В 2-х тт. / Отв. ред. А.В. Репринцев. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2003. - Т. 1 : . – 2003. – С. 48 - 54. - С. 460

мандования, на жесткость сталинского режима, а также другие неблагоприятные факторы. Вывод напрашивается сам собой: победа СССР - случайность, как случайностью является поражение гитлеровской Германии. Вот и вся квинтэссенция памяти.

Для утверждения этого тезиса используется своеобразная интерпретация главных событий истории Второй мировой, Великой Отечественной войны, как и любой военной истории, - сражений, битв, от исхода которых зависел исход всей войны. И потому они оказываются в центре внимания, но не сами по себе, а как объекты мифотворчества, политических фальсификаций и псевдоисторических ревизий.

В целом разработка сориентирована на решение следующих задач:

- рассмотрение процесса фальсификации истории Второй мировой, Великой Отечественной войны от 1945 до 2020 гг.,
- рассмотрение феномена фашизма и причин его исторической живучести,
- раскрытие наиболее часто используемых приёмов интерпретации истории Второй мировой, Великой Отечественной войны,
- рассмотрение наиболее ярких примеров интерпретации истории Второй мировой, Великой Отечественной войны в отмеченном событийном контексте;
- представление методического инструментария, позволяющего организовать образовательный процесс в интересах формирования у обучающихся адекватной памяти о Второй мировой, Великой Отечественной войне.

1. Вторая мировая война: взгляд через призмы истории и политики

1.1. 75-я юбилейная годовщина Победы во Второй мировой, Великой Отечественной войне и актуализация ревизионистских тенденций в геополитике и истории

В этом, 2020 году, мы отмечаем 75-летний юбилей Победы нашего народа во Второй мировой, Великой Отечественной войне. Это знаменательнейшая дата, символизирующая и воинский подвиг на фронтах, и трудовой героизм в тылу, и негибимость противостояния оккупантам в ходе войны.

Мы гордимся победой наших предков – дедов и прадедов достигнутой благодаря их самоотречению в борьбе за сохранение независимости Отечества. Однако гордость эта последнее время имеет горьковатый привкус. Эта горечь появилась уже довольно давно и постепенно как ржа разъедает нашу память, нашу духовность. Её истоки это псевдооткрытия о «правде» Второй мировой, Великой Отечественной войны, ложные факты и фальсификации причин, событий, итогов войны и военных операций, ревизионистские концепции Второй мировой, Отечественной войны.

Увы, чем ближе славная дата, тем обширнее и многограннее разворачивается флер фальсификаций истории Второй мировой, Великой Отечественной войны. Они активно реализуются и распространяются через телепередачи, художественные фильмы, интернет-пространство. 75 лет прошло как отгромыхали последние залпы Второй мировой, Великой Отечественной войны, а война информационная, идейная не затихая, ведет бои, направленные на ревизию её причин, фактов, итогов, исторической роли и значения. Почему это происходит в целом? Почему этот процесс актуализировался в наши дни?

Ответом на эти вопросы могут служить слова публициста И. Польшалова. «Внедрение ложных представлений о недавнем прошлом нашей страны отнюдь не случайно. Чтобы превратить народ в быдло, следует, прежде всего, лишить его святынь, исторической памяти, национальной гордости. Поэтому в идеоло-

гической борьбе против России оплёвывание истории Великой Отечественной войны занимает сегодня одно из центральных мест» - пишет он в предисловии своей книги «Великая оболганная война»². Об этом важно помнить именно нам педагогам, кто призван, не просто передать знание истории, но и сформировать патриотов, граждан своего Отечества.

Увы, этот процесс внедрения ложных представлений для нивелирования роли Победы в памяти народа, и, прежде всего, подрастающего поколения, в наши дни идет по нарастающей, уже не просто фальсифицируя события войны, а предлагая ревизию всей истории войны. Как это стало возможно?

История фальсифицирования событий предвоенного времени и собственно военных событий началась практически уже в ходе войны и продолжилась по её завершению. Однако изначально это выглядело довольно безобидно, проявляясь в попытках оправдать военные неудачи и провалы военных операций объективными обстоятельствами или переложить ответственность на другие плечи. Это просматривается и по документам-донесениям от командования, по письмам с фронта офицеров и рядовых, по протоколам Нюрнбергского процесса, по мемуарам участников боевых действий: Г. Гудериан «Воспоминания солдата»; Ф. Гальдер «От Бреста до Сталинграда: Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1941-1942 гг.»; Э. Манштейн «Утерянные победы», В. Кейтель «Размышления перед казнью» и другие.

Именно так родились первые мифы о победной роли «Генерала грязи» и «Генерала зимы» в войне гитлеровской Германии с Советским Союзом, о цене победы РККА - «завалили трупами», о катастрофичной роли Гитлера в разработке планов военных операций и другие. Правда все эти мифы тогда хоть и не получили широкого развития, но и в лету не канули.

Вновь к истории Второй мировой, Великой Отечественной войны активно начали возвращаться в разгар холодной войны, когда сформировались не

² Польшалов И. Великая оболганная война. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. – С. 2.

только два военно-политических противостоящих лагеря, но и две исторические школы в исследованиях и оценках войны. Новый всплеск фальсифицирования пришёлся на период 50 – 80-х годов.

Часть историков США, Великобритании, ФРГ, Франции, Японии вновь обратились к уже обозначенным мифам, которые стали составной частью официальных трудов по истории Второй мировой, Великой Отечественной войны. Прежде всего, это официальные энциклопедические труды такие как «Армия США во Второй мировой войне», изданная в США, «Официальная история Второй мировой войны», изданная в Великобритании, «Германский рейх и Вторая мировая война», изданная в ФРГ, «Официальная история войны в великой Восточной Азии», изданная в Японии и другие.

В последующем изложенные в них концепции, несущие в себе ревизионистские подходы к истории Второй мировой, Великой Отечественной войны были подхвачены, дополнены, углублены историками и публицистами. Например, книги У. Крейга «Враг у ворот. Битва за Сталинград», Г. Солсбери «900 дней. Осада Ленинграда», Г. Дешнера «Варшавское восстание», отличающиеся, как правило, реакционностью и тенденциозностью в оценке исторических событий.

В зарубежной историографии, следует отметить очень разноплановой и неоднозначной, проявились три направления, выражавшие три подхода (независимо от историографических школ) к истории войны.

Один выразился в стремлении создать «свою историю» войны в соответствии с ревизионистскими концепциями и с опорой на мифы о военных событиях. Среди его апологетов можно назвать Э. Зимке, Д. Дина, Л. Гроувса, У. Лангера и С. Глисона, Х. Болдуина, М. Фройда, Р. Ремона, Г. Квинта и др.³

³ Ziemke E. Stalingrad to Berlin. The German Defeat in the East. Washington, 1968; Dean J. The Strange Alliance: The Story of American Efforts at War Time Co-Operation with Russia. New York, 1947; Groves L, Now It Can Be Told: The Story of the Manhattan Project. New York, 1962; Longer W., Gleason S. The Challenge to Isolation, 1937—1940. New York, 1952; Baldwin H. Bateles Lost and Won: Great Campaigns of World War II. New York, 1966; Freund M. Deutsche Geschichte, 1973; Quint H. Die Wendepunkte des Krieges. Stuttgart, 1954. New York, 1952; Baldwin H. Bateles Lost and Won: Great Campaigns of World War II. New York, 1966; Freund M. Deutsche Geschichte, 1973; Quint H. Die Wendepunkte des Krieges. Stuttgart, 1954.

Другой выразился в стремлении изложить историю войны по возможности объективно в соответствии с историческими фактами, но, допуская использование квазиисторических фактов и политизированных оценок, искажающих достоверную картину военных событий и делающих её запутанной и непонятной. Среди его представителей мы можем отметить Д. Кеннана, А. Гарримана, А. Тейлора и др.⁴

Третий выразился в твердом намерении исследовать и представить максимально объективную историю войны. Здесь мы можем обратить внимание и использовать в противодействии фальсификациям труды А. Бюкар, У. Фостера, Ч. Хайэма, И. Фляйшхауэр, У. и З. Коутсов и др.⁵

В нашей работе мы в основном будем рассматривать концепции представителей первого и частично второго подходов к истории Второй мировой, Великой Отечественной войны. Так как именно в этих трудах проявляется стремление пересмотреть не просто историю войны, а, прежде всего, её исторические итоги.

Советская историография прилагала значительные усилия, противодействуя искажению истории Второй мировой и особенно Великой Отечественной войны. Выступления на международных конференциях, публикация научных статей в международных и отечественных изданиях, публикации мемуаров и научных монографий во второй половине 50 – первой половине 80-х годов XX века яркий тому пример.

Самыми ценными источниками выступают публикации документов 30-40-х гг. XX века: «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» в 2-х тт.; «Советский Союз на международ-

⁴ Kennan G. *Russia and the World War II*. Baltimore, 1972; Kennan G. *American Diplomacy 1900—1950*. Chicago, 1951; Harriman W. A. *America and Russia in a Changing World*. New York, 1971; Harriman W, A., Abel E. *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1945*. New York, 1975; Tailor A.J.P. *The Origins of the Second World War*. London, Hamish Hamilton, 1961.

⁵ Бюкар А. *Подлость союзников: Как Запад предавал Сталина / Анабелла Бюкар, Ральф Паркер*. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011; Foster W. Z. *The USA and the USSR. War Allies and Friends*. New York, 1942; Jtigham Ch. *Traiding with the Enemy: An Expose of the Nazi-American Money Plot 1933—1949*. London, 1983; Фляйшхауэр И. *Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939*. Москва, Прогресс, 1990; Coates W.P. and Z.A. *History of Anglo-Soviet Relations*. London, Lawrence and Wishart, The Pilot Press, 1945.

ных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.: Сборник документов» в 6-ти томах; а также мемуары: Штеменко С. М. «Генеральный штаб в годы войны»; Жуков Г.К. «Воспоминания и размышления»; Рокоссовский К.К. «Солдатский долг»; Василевский А. «Дело всей жизни»; Мерецков К.А. «На службе народу»; Лелюшенко Д.Д. «Москва – Сталинград – Берлин – Прага», Полторак А.И. «Нюрнбергский эпилог» и многие другие, с которыми можно ознакомиться на сайте Военная литература (militera.lib.ru).

Значимый вклад в изучение истории Второй мировой, Великой Отечественной войны и опровержение фальсификаций внесли энциклопедические труды: «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.» в 6 томах, изданная в 1960-65 гг.; «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.» в 12 томах, изданная в 1973-1982 гг., а также исследования ученых-историков: Жилин П.А. «Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз (Расчеты и просчеты)»; Панкратова М., Сиполс В. «Почему не удалось предотвратить войну»; Майский И.М. «Кто помогал Гитлеру (Из воспоминаний советского посла)»; Ржешевский О.А., Кульков Е.Н., Мягков М.Ю. «Все о великой войне»; Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А. «Правда и ложь о Второй мировой войне» и многие другие.

Однако в силу уважения к союзникам по антигитлеровской коалиции, к союзникам по Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, к народам Советского Союза некоторые страницы истории войны либо тактично не упоминались, либо подвергались коррекции в представлении. Это привело к тому, что сформировалось поле для искажения правды истории войны и ревизии её исторического значения. И толчок этому был дан, увы, с нашей стороны.

Первые мифотворцы начали появляться уже во Второй половине 80-х годов XX века. Начало было положено книгой сотрудника ГРУ, предавшего свое Отечество и укrywшегося в Англии В. Резуном (псевдоним Суворов) «Ледокол».

Однако наиболее массированно процесс ревизии и фальсификации истории Великой Отечественной войны и исторической роли СССР в победе над гитлеровским рейхом и милитаристской Японией начался после выступления А.Н. Яковлева на Втором съезде народных депутатов в 1989 г., где было отмечено, что Комиссия по правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. и связанных с ним документов констатировала, что, принятый по настоянию И.Сталина, секретный протокол (как и другие тайные советско-германские договоренности 1939—1941 гг.) использовался советским руководством «для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств».⁶

Начали появляться статьи и монографии, в которых разворачивалась откровенная критика сначала в адрес советского руководства, а затем и собственно Советского Союза. В 90-е годы XX века началось создание и размножение квазиисторических трудов как ампула альтернативной истории и фольклорной истории. Очень сильный удар был нанесен ими по историческому значению победы СССР во Второй мировой, Великой Отечественной войне.

Используя «белые пятна» исторического полотна Великой войны, ревизионисты, стремясь отринуть наследие СССР, начали пересмотр истории войны с целью развенчать роль КПСС и советского руководства, умалить и низвергнуть подвиг солдат и офицеров Красной Армии, переосмыслить и переоценить вклад советского народа в победу и в историю мира в целом. Примером тому стали Семиряга М.И., Данилов В.Д., Мельтюхов М.И., Невежин В.А., Соколов Б.В., Афанасьев Ю.Н. и др.

Многие из авторов даже не задумались о том, что в стремлении отречься от великого наследия Советского Союза они разрушали не прошлое, а уничтожали будущее. Будущее Российской Федерации как легитимной правопреемницы СССР. Это имело печальные последствия.

⁶ Яковлев А.Н. Доклад Комиссия по правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. и связанных с ним документов. Второй съезд народных депутатов СССР.

Сегодня в условиях мощного развития информационных систем развернулась серьезная информационная война, нацеленная против нашего отечества, против России. Произошло это в тот момент, когда страна, преодолев тяжелые годы экономического падения, социального обнищания и политической зависимости от влияния коллективного Запада встала на путь суверенизации и государственного строительства, опирающегося на идею патриотизма. Важным этапом на этом пути стало обращение к наследию предков, где важную историческую роль играет Великая победа Советского Союза во Второй мировой, Великой Отечественной войне.

Это вызвало протест со стороны стран Запада и присоединившихся к ним стран бывших Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи. На «белый свет» вновь были извлечены мифы о роли СССР во Второй мировой войне и о Великой Отечественной войне. Информационная война стала набирать силу, искажая, опровергая и уничтожая, казалось бы, давно известные и устоявшиеся истины.

С одной стороны это вызвано глобальными геополитическими процессами. Происходит перезагрузка мира, обретающего новые точки сбора, - отметил журналист-международник П. Федоров. И новым странам Евросоюза надо показать, что они не виноваты, да и нацизм не так уж был страшен. А во всем виноват СССР. И нам отстаивать свою позицию будет трудно. В условиях нового кризиса нацизм возрождается, чтобы обелиться и очернить Россию⁷.

С другой стороны это вызвано стремлением не позволить Российской Федерации возродиться и стать новым центром силы в современном мире. И как справедливо отметил Я. Кедми: когда Россию надо лишить легитимности, можно забыть обо всём и в этом частично вина СССР. И суть вины в умолчании исторической правды во всей её нелюбезности. Надо говорить правду! Без умолчания!⁸

⁷ Фёдоров П. «Вечер Владимира Соловьева» 27.03.2020.

⁸ Кедми Я. «Вечер Владимира Соловьева» 27.03.2020

Сдав память предков на милость противника в желании обретения красивой жизни, мы не думали, какую цену придется заплатить. Сейчас осознаем, но, увы, время упущено, а, следовательно, придется не просто противостоять процессу искажения истории Второй мировой, Великой Отечественной войны, возникновению фальсификаций, а бороться со стремлением её переписать, а главное пересмотреть и ревизовать её итоги. Чего стоит принятие Парламентской ассамблеей ОБСЕ резолюции, в которой был поставлен знак равенства между советским режимом и нацистским.⁹

Противодействовать этому будет сложно. И потому, что мы сами в «радостном устремлении в объятия Запада» внесли существенный вклад в очернение собственной истории, что коснулось, прежде всего, душ и умов подрастающего поколения в 90-е годы прошлого века и продолжает вливаться ядом через СМИ и Интернет-пространство.

И потому, что геополитическая ситуация в современном мире вновь переживает глобальный кризис и социально-экономического развития, и политического управления, и духовно-культурного состояния, а значит нужен «враг», который будет виновен и ответственен за всё. И острие удара нацелено на нас, на Россию, которую важно уничтожить исторически, лишив народ достойных скреп, коими является история Великой Отечественной войны и другие достойные деяния наших предков.

Кроме того, вновь поднимает голову, казалось бы, канувший в лету нацизм и фашизм. И он тоже ищет оправдание своего существования и обоснования для своего возрождения. Особенно ярко мы видим это на примерах стран Прибалтики, Украины, Польши. И хотя этот процесс не приобрел массового характера, однако мы помним, что в 30-е годы прошлого века всё начиналось тоже довольно «безобидно», а завершилось катастрофой.

Как же противостоять этому? Что делать нам педагогам в этой ситуации? Повторим слова П. Фёдорова – «Изучать свою историю!!! Знать больше про се-

⁹ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=298597&cid=9> (дата обращения: 15.05.2017).

бя и говорить правду о других».¹⁰ Для этого сегодня создаются благоприятные условия. Открываются архивы и публикуются документы, касающиеся самых критичных и спорных вопросов, издаются новые энциклопедические труды, посвященные историческим событиям: «Великая Отечественная война 1941—1945 годов» в 12 томах, подготовленная редакционной комиссией под председательством министра обороны Российской Федерации С. Шойгу; «Великая Победа» в 15 томах под общей редакцией С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова, изданные в 2015 году, продолжают исследования ученых-историков. Есть на что учителям истории можно опереться. Главное начинать формирование исторических знаний нашего подрастающего поколения максимально полно и объективно.

И начинать надо с истоков. В данном случае - это понимание генезиса фашизма и нацизма как социально-исторического явления.

¹⁰ Фёдоров П. «Вечер Владимира Соловьева» 27.03.2020.

1.2. Фашизм как цивилизационная проблема: генезис и история

Попытки рационализировать историю возникновения такого явления как фашизм, несмотря на консолидированное стремление делать это беспристрастно, детально, валидно – всё же постоянно приводят к вариациям интерпретаций тех или иных контекстов, связанных с восприятием и оценкой этого явления. Как 1939-1945 годы разделили мир на «довоенный» и «послевоенный», так и сегодня интерпретация этой войны разделяет людей. Увы, это так естественно вошло в культурный код человечества, что со временем только набирает силу.

Да, сегодня мы имеем возможность погрузиться в изучение истории войны и с той, и с другой стороны. Иногда некоторые так увлекаются, что порой проникаются не только «пониманием», но и «сочувствием» к бывшему врагу – ведь это так «естественно» и «рационально». Однако в итоге это приводит лишь к новому росту размежевания и напряжения между теми, кто решает поиграть во всепрощение на основе исторической амнезии и теми, кто хранит историческую память, передавая её новым поколениям. Поэтому, ссылаясь на рациональный подход к истории, не стоит терять память, ведь ненароком можно потерять себя, свой народ, свое Отечество, свое будущее.

Кроме того, есть ещё целый ряд исторических, философских, культурологических и психологических причин не пытаться рационализировать историю Второй мировой войны. Она, такая как есть и иной уже не будет. Всё иное – уже спекуляция, фальсификация, эзотерика и т.п. А мы рассмотрим историю максимально объективно и опираясь на свидетельства современников.

Безусловно, ключевым фактором генезиса и трансформации фашизма стал феномен мировых войн XX века. Рассмотрение взаимосвязи этих исторических явления стало общепринятым и является рациональным дискурсом в научных исследованиях, независимо ни от национальной принадлежности авторов, ни от эпохи, в которую проводятся подобные исследования. Всё, что выходит за рамки научно-рационального рассмотрения данного феномена само по

себе составляет обширную публицистику в жанре конспирологических, эзотерических или попросту спекулятивных теорий. Соответственно, подобные аспекты рассмотрения проблемы генезиса фашизма не могут служить основанием для итогового анализа.

Современникам той эпохи никак не удавалось найти рациональное объяснение тому, что происходило вокруг них. Многие деятели культуры и искусств не приняли фашизм ни ментально, ни практически и активно способствовали формированию антифашистского движения. Этот аспект истории Второй мировой войны будет рассмотрен в отдельной главе настоящей брошюры. Здесь же остановимся лишь на одном примере, который, как нам кажется, раскрывает непосредственное восприятие фашизма мыслящими людьми той поры. Речь идёт о знаменитой пьесе Е. Шварца «Дракон», в которой он впервые попытался дать свой ответ на мучивший тогда всех вопрос, как же фашистская идея смогла овладеть умами огромной массы людей? Тогда он увидел ответ в равнодушии, маргинализации, разобщении общественного сознания, когда реакция на вызовы своего времени со стороны общества в целом или отдельных его страт не создавала ощущение силы, значимости этого участника исторического процесса. Но в этом-то и заключается парадокс, так как многочисленные исследования по истории возникновения фашизма в Европе создают полное впечатление большой активности различных социальных и политических сил, которые во взаимоотрицающей борьбе друг с другом выработали ту самую бескомпромиссную, радикальную модель социально-экономических и политических преобразований, в которых нуждались страны Европы в период между двумя мировыми войнами.

Надо чётко понимать, что именно в нашей стране с самого начала появления на политической арене фашистской идеологии подошли к этому явлению всерьёз и во всеоружии. Не прошло и года после прихода к власти фашистов в Италии, как была издана достаточно объёмная брошюра Германа Сандомирско-

го под названием «Фашизм».¹¹ В ней были обозначены узловые моменты генезиса фашизма в Европе в тот момент, когда этот процесс ещё не был завершён. И, тем не менее, эти аспекты не потеряли актуальности до наших дней. Тем удивительней смотрится сегодня подобная глубина и прозорливость сделанных выводов, в том числе и потому, что ретроспектива последующих событий создаёт впечатление, что будто бы эти доводы были невдомёк никому. Существование данного библиографического источника делает ничтожными инсинуации вокруг политических заигрываний демократии с фашизмом, что якобы демократы не понимали истинной сущности фашистских демагогов.

Да, анализируя данную брошюру, возможно, мы обнаружим слишком одиозные, лежащие на поверхности причины генезиса фашизма. С высоты сегодняшнего дня мы, конечно, способны обобщить целый комплекс социальных, философских, идеологических, психологических и других предпосылок фашизма, назвать «идейных вдохновителей» (в кавычках, так как по большей части имена этих мыслителей попали в список предтеч фашистской идеологии лишь потому, что сами фашисты ссылались на них), определить реальные факторы, способствующие развитию данного явления. Однако именно этот источник сохранил помимо фактологической составляющей ещё и имплицитные аксиологические категории, позволяющие реконструировать синхронное представление о фашизме у людей того времени. Отталкиваясь от определения Луиджи Фаббри, что «международный фашизм есть превентивная контрреволюция»,¹² автор брошюры обнажает глубинные корни социальных явлений, которые на поверхности произрастали в политическую реакцию капитала на тезис о перманентной социальной революции. Он отмечает, что ещё «период усиления революционно-синдикалистского движения» в 1906-07 годы в публицистической и «изящной» литературе проявляется так называемое социально-консервативное течение, которое, по мнению автора, формирует в общественном сознании ксенофобию к пролетариату и к другим социальным «низам».

¹¹ Сандомирский Г.Б. Фашизм. М.- Пг., 1923.

¹² Цит. по: <http://faschism.ru/articles/italyanskii-fashizm/preventivnaya-kontrevolyuciya>

Для него это открытый цинизм, деконструкция системы моральных ценностей и просто антигуманизм. Тогда в романах Марселя Тинэра, например, трудно было увидеть тот военно-патриотический угар и реваншизм, который подвигал французское общество к войне с Германией, но это не осталось незамеченным острым взглядом автора брошюры.

Здесь возникает ещё одна проблема, которой в историографии фашизма уделено большое внимание. Это сопоставление национализма и патриотизма. Не вдаваясь в подробности современного определения понятия патриотизм, скажем лишь, что патриотизм – это любовь к своему народу, а национализм – неприязнь к чужому. Патриот прекрасно знает, что не бывает плохих и хороших народов – бывают лишь плохие и хорошие люди. Националист же всегда мыслит категориями «свои - чужие», «наши - не наши», он целые народы непринуждённо записывает в никчёмные, или в отсталые, или в недостойные жить. Это важнейший признак фашистской идеологии – деление людей на «наших» и «не наших». Однако именно патриотическая риторика использовалась как маскировка националистической (а затем и, собственно, нацистской) идеологии, которая имела широкий отклик среди масс, не особо стремившихся к осмыслению истинных целей политических пропагандистов. При всей сложности эпистемологической дефиниции понятий национализм, нацизм, фашизм в обыденном сознании довольно устойчиво функционируют характерные атрибутивные признаки и того, и другого и третьего явлений, по которым достаточно легко их анализировать.

В данном случае упрощение не является целью исследования, но служит инструментом для конструирования феноменологии понятия фашизм. С этой точки зрения фашизм – это очень просто! Фашизм есть диктатура националистов, или «тоталитаризм одной нации»,¹³ а всё остальное – преходящее. Диктатура в совокупности с национализмом создали ту самую негативную коннотацию обоих терминов, которые и отражают итоговое восприятие последнего в

¹³ Цит. по: <https://philologist.livejournal.com/10586265.html>

общественном сознании. Равно как и понятие диктатура, из когда-то политически нейтрального термина, носившего сугубо инструментальный характер (изначально в Древнем Риме это экстра-ординарная магистратура на срок до шести месяцев, исполнитель которой наделялся необходимой властью для преодоления угрозы уничтожения государства), превратилось в архетип тоталитарного, антидемократического, где-то даже противозаконного концепта власти. Поэтому оба понятия в паре выглядят вполне органично, наделяя друг друга свойственными каждому из них (но внутренне не присущими им сами по себе) негативными коннотациями. По этой же причине иногда происходит сближение понятий диктатура и национализм до такой степени, что появляется необходимость конкретизировать этот возникший суррогат в новом понятии. Собственно говоря, так и произошло. Всё содержание фашистской (или нацистской, что по сути одно и то же) идеологии происходит из тех самых идей националистического толка, в большом количестве существовавших в политическом дискурсе 20-х годов XX века. И это не только общепризнанные «предтечи» фашизма, вроде философии Ницше, эстетики Маринетти, социологии Моррасса и т.д., но и другие популярные в конце XIX – начале XX веков эсхатологические идеи, вроде «Конца эпохи», шпенглеровский «Закат Европы», или же «пост-Европы» П.П. Муратова,¹⁴ которые содержат аллюзии на тенденции трансформации современного им общества на основе национализма. Однако это не должно огульно сказаться на интерпретации данных идей, которые сами по себе составляют золотой фонд европейской социально-политической мысли, как содержащие основы фашистской идеологии (достаточно вспомнить, что Шпенглер, например, подвергся репрессиям со стороны пришедших к власти нацистов, а Муратов в соавторстве с Алленом в 1943-46 годах написал одну из самых первых историй Великой отечественной войны в объективном ключе¹⁵). Более того, принимая во внимание остроту идеологического и политического

¹⁴ См. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. М.: Алетея, 1998. С. 204-208.

¹⁵ См. W.E.D. Allen, Paul Muratoff. The Russian Campaigns of 1941–1943. New York, Penguin, 1944; W.E.D. Allen, Paul Muratoff. The Russian Campaigns of 1944–1945. New York, Penguin, 1946.

противостояния между коллективным западом и СССР в тот период, трудно было бы ожидать непредвзятости тогдашней публицистической литературы, в которой живо и наглядно фиксируется разрастание «фашистской гадины».

Возвращаясь к анализу брошюры Г.Б. Сандомирского, обратим внимание на тот факт, что уже к 1923 году в международной прессе присутствуют сигналы об активности профашистских сил во Франции, Бельгии, США, Испании, Швейцарии, Польше, скандинавских, балканских странах. Из этого списка удивительным образом выпадает Веймарская Германия, о которой автор прямо пишет: «Трудней всего причислить к фашизму деятелей германской реакции».¹⁶ Обосновывает он это тем, что внешние и внутренние условия «значительно отличаются» от тех, что сложились в Италии – родине фашизма, правда это не совсем объясняет разницу, что сам же автор и признаёт. К тому же, далее по тексту автор буквально пишет, что «германские фашисты убивают Ратенау»,¹⁷ то есть по существу определяет будущий немецкий нацизм. Характеризуя радикализм в принятии решений, экономическую, социальную, культурную политику, реализуемую пришедшими к власти фашистами в Италии и содержащихся в качестве лозунгов в программных заявлениях остальных фашистских организаций, автор приходит к однозначному выводу, что «фашизм окончательно похоронил идею законности и разоблачил в глазах пролетариата фетиш демократической государственности, вскрыв до конца его ветхозаветную, лицемерную идеологию».¹⁸

К такому выводу автор приходит, несмотря на пока ещё не столь длительное пребывание фашистов у власти в Италии (он указывает на восьмимесячную практику фашистской партии у руля государства). Классовый, антикоммунистический, антисоциалистический характер фашистской диктатуры был раскрыт им сразу, как только у неё отпала необходимость прикрываться популистскими лозунгами. Тем самым Сандомирский подтверждает данное

¹⁶ См. Сандомирский Г.Б. Ук. соч. С. 147.

¹⁷ Вальтер Ратенау, министр иностранных дел Веймарской Республики, еврейского происхождения. Убит праворадикальной экстремистской организацией «Консул» 24 июня 1922 г.

¹⁸ Сандомирский Г.Б. Ук. соч., с. 147.

Фаббри определение фашизма как «превентивной контрреволюции», что, если переводить в современную терминологию, называется презумпцией насилия по отношению к несистемной оппозиции. Та ложь, тот цинизм, с которыми фашисты обосновывали и будут обосновывать свои насильственные методы достижения политических целей, изначально создают конкретное восприятие последующих событий, приведших к началу Второй мировой войны.

Однако, в связи с вышесказанным, среди исследователей политических режимов формулируется проблема оправдания насилия публичной власти как необходимое условие функционирования любой власти вообще (даже демократической по природе). Вопрос сводится лишь к тому, что называть насилием. На этот счёт чаще всего приводят позицию классика «теории насилия» Ханны Арендт, которая противопоставляет традиционному редуционизму государства и насилия принцип «ненасильственной власти», для которой первостепенное значение имеет легитимность, а с помощью насилия этого невозможно добиться.¹⁹ Парадокс насилия по Арендт как раз и заключается в том, что без легитимации власть превращается в тотальное насилие, которому никакая легитимность не нужна. Таким образом, уже не получается огульно оправдывать насилие как инструмент реализации своих целей каких бы то ни было политических сил. Но, говоря по существу, насилие совсем не квинт-эссенция фашистской политической практики. Насильственные методы осуществления мечт сильных мира сего применялись с естественной систематичностью, большую часть истории человечества на безальтернативной основе. Правы те, кто, приводя в качестве исторических аналогий многочисленные примеры ужасающей жестокости людей по отношению к себе подобным, сравнивают фашизм XX века с задержавшимся в своём развитии махровым феодализмом, пережившим и век пара, и век электричества, и век атома и готовым пережить век искусственного интеллекта. Феодальные отношения, вроде бы, канули в прошлое, а феодальный менталитет, как оказалось, жив, он показал себя могущественнее

¹⁹ Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. С. 53.

пара и электричества, крепче всеобщей грамотности и тотальной компьютеризации. «Живучесть его, безусловно, имеет причиной то обстоятельство, что корнями своими феодализм уходит в дофеодалные, ещё первобытные времена, в ментальность пещерного стада, для которой все чужаки, живущие в соседнем лесу, отвратительны и опасны, а их вожак прекрасно жесток и мудр. Эта первобытная ментальность, видимо, не скоро покинет род человеческий. И поэтому фашизм – это феодализм сегодня. И завтра».²⁰

Актуальность, а точнее всего это выражается словом злободневность, проблемы распространения фашизма по «цивилизованной» Европе в нашей стране восприняли очень серьёзно, и не только потому, что тогда СССР являлся единственной в мире страной победившей социальной революции. Нельзя забывать, что так называемые антисоветские тенденции наслаивались на традиционные русофобские настроения, которые исторически закрепились в некоторых европейских странах. Об этом свидетельствует вышедший в том же 1923 году тематический сборник статей «Мировой фашизм» под общей редакцией Н.Л. Мещерякова.²¹ В нём авторы статей, независимо друг от друга (некоторые статьи перепечатывались с уже опубликованных в других журналах) солидаризируются в мысли о том, что фашизм несёт угрозу всему человечеству. Предпосылки этому заключены в том, что историческое развитие общества в эпоху индустриализма обозначило разрыв между традиционными социальными институтами и, что этот разрыв, чем дальше, тем больше, превращается в пропасть. Первая мировая война ускорила и оформила этот цивилизационный разрыв, но сама по себе не послужила источником генезиса фашизма. Разложение социального фундамента цивилизации, наложившееся на циклические экономические кризисы (со временем ставшими глобальными), сделало неизбежной новую мировую войну. Идеология мировой войны органично сопрягалась с доктриной всеобщего насилия в складывающейся тогда фашистской идеологии. Это нашло отражение в политической практике 20-30-х годов XX века, которая

²⁰ Цит. по: <https://philologist.livejournal.com/10586265.html>

²¹ Мировой фашизм (сборник статей) / Мещеряков Николай Леонидович. М., 1923.

выражается в извращении традиционных принципов социально-политических отношений: «здоровый материализм сменялся идеализмом и мистицизмом, реализм – туманным символизмом, демократизм – различными авторитарными утопиями».²²

Речь идёт о появлении фашистских партий в различных европейских странах в данный период, причём характер их деятельности говорит о международной синхронизации их основных политических идей, лозунгов, мероприятий и т.д. Это означает, что фашистская идеология, несмотря на общность глубинных предпосылок, определивших её генезис, формировалась не внутри тех или иных обществ, а с учётом наличия в них благоприятных условий для развития. Это подтверждает, в том числе, история фашизма на Британских островах, где он формально появился в том же 1923 году, когда Рота Линторн-Орман разместила в прессе объявление о создании соответствующей партии (финансируемой, кстати, её матерью, что говорит о внесоциальном характере данного явления, поскольку воспринималась как забава «избалованного дитяти», а не выражением массового движения).

Реальным же «фюрером» британских фашистов стал Освальд Мосли, основавший в 1932 году «Британский союз фашистов», имевший определённый политический вес в обществе до поры – до времени. Надо отметить, что популярность Мосли среди британского истеблишмента изначально строилась не на его политических взглядах. Прежде всего, он был молодым «правильным» аристократом, героем войны, отличным спортсменом и далее по списку... Кроме того, старт его политической карьеры был предопределён «правильным» браком с дочерью лорда Керзона, однако, будучи членом парламента, часто лавировал между «передней» и «поперечной» скамейками. Как истинный британец, понимающий, что в Британии не принимают ничего нового, особенно политических партий, он сначала пытался действовать в рамках сложившейся политической системы. Но слишком уж внесистемными были его предложения по ре-

²² Иорданский И. Судьбы фашизма / Мировой фашизм (сборник статей). С. 11.

формированию социальных и экономических отношений, чтобы поместиться на «прокрустовом ложе» британской политики. Отсюда начинается его подражание политической практике Муссолини, а затем и Гитлера, которые в то время, даже, несмотря на их радикализм и популизм, на Британских островах воспринимались как легитимные политические режимы с приемлемой репутацией и, что особенно важно, как реальная альтернатива коммунистической угрозе.²³ Всё это недвусмысленно свидетельствует о кризисе парламентаризма и демократии в мире 1930-х годов, который отмечают все исследователи генезиса фашизма. Даже на «родине европейского парламентаризма» в какой-то момент времени фашисты могли прийти к власти, если бы не врождённый консерватизм и закостенелость этих самых парламентских традиций.

В то же время, как мы теперь можем это видеть с позиций сегодняшнего дня, наиболее «продуктивным» стало развитие фашизма в Германии. Эта тема очень подробно изучалась в историографии и давно стала самостоятельной дисциплиной. Тем не менее, столь обширный историографический материал порождает довольно большое количество интерпретаций ключевых событий в истории, что постоянно требуется систематизация и редукция множества различных толкований к проблемам концептуального свойства.

Традиционно период между двумя мировыми войнами интерпретируется как последовательное крушение Версальской системы вследствие политики постоянных уступок Германии со стороны стран-победителей, оправдываемой, в свою очередь, попытками предотвратить национальную катастрофу и исходящий из этого реваншизм как потенциальная угроза новой войны. Но здравая идея, как мы видим, реализуемая не теми методами, привела именно к тому результату, который всеми силами стремились избежать. Характерно, всё то, что в 1923 году существовало в качестве лозунгов нацистской партии (кстати, на тот момент времени НСДАП была запрещена в северной Германии, но её функцию «успешно» выполняла «Великогерманская партия свободы» во главе

²³ См. Большаков А.П. Освальд Мосли «Фашизм: 100 вопросов и ответов» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008, № 5 (106). С. 146.

с Грефе)²⁴ в 1930-е годы будет реализовано с буквальной методичностью: аннулирование Версальского договора, исключительные законы против евреев, возврат контроля над Рейнской зоной и т.д.

Особенностью распространения фашизма в Германии также традиционно считается тяжелое экономическое положение вследствие репарационных выплат, оккупации Рурского бассейна Антантой, вынужденной реструктуризацией тяжелой промышленности и т.п. Однако, как мы могли видеть на примере Италии, тяжесть экономического положения «капиталистическое сообщество» всеми силами стремилось сторнировать на эксплуатируемые классы. В связи с этим в самой Германии произошла Ноябрьская социалистическая революция, которая стала отражением тенденции переноса основной тяжести послевоенного положения на пролетариат и, одновременно, его политической активности. Но с пролетариата мало что можно было взять? Нужна была такая «корова», с которой можно получить достаточное количество «удоя». Такая «дойна королева» вскоре нашлась, однако возникает следующий вопрос: что же лежит в основе экспроприации еврейского капитала – антисемитизм или банальный шкурный интерес?

Несомненно, одной из главных причин победы фашизма в Германии стала поддержка НСДАП со стороны крупного капитала (Кирдорф «Bergwerks AG», Тиссен «Vereinigte Stahlwerke AG»), а также части вермахта (генерал Людендорф) и аристократических элит (фон Лаузитц). Однако крупный капитал никогда не кладёт все яйца в одну корзину, другие немецкие промышленники спонсировали остальные политические партии Веймарской Германии (кроме, конечно же, коммунистов). Что же привлекательного увидели они в фашистской идеологии, в которой, между прочим, среди лозунгов их социальной программы имелся призыв бороться против финансовых олигархов (не только еврейского происхождения)?²⁵ Даже деньги тогда не имели существенного значе-

²⁴ См. Мёллер Хайнц. Фашизм в Германии // Мировой фашизм (сборник статей). С. 15.

²⁵ См. Шубин А.В. Мир на краю бездны /https://royallib.com/book/shubin_aleksandr/mir_na_krayu_bezdni.html/, с. 75-76.

ния, так как в условиях рекордной гиперинфляции 1919-1923 годов они годились, разве что, в качестве детских игрушек, вместо настоящих кубиков или на растопку печей. Здесь приходится говорить о пресловутом субъективном факторе в истории.

Среди представителей партий националистического толка, да и внутри самой НСДАП, первоначально не было явного харизматичного лидера. Ни Эшерих, ни Штрассер, ни Дрекслер, ни даже Людендорф не обладали теми чертами личности, которые могли привлечь и объединить большие массы людей в монолитную политическую силу. Именно таковым они посчитали Гитлера (почему – об этом чуть ниже). Личности такого порядка никогда не будут восприниматься однозначно, не только и не столько в силу их роли в истории, а в силу того простого факта, что у людей с ярко выраженными одними чертами другие зачастую будут находиться в угнетённом состоянии. Наверное, на страницах данной брошюры нет необходимости подробно анализировать личность Гитлера. Отметим лишь общие подходы к пониманию тех спусковых механизмов приближающейся катастрофы, которые можно отнести к субъективным факторам. Своеобразный демонический образ личности Гитлера, сложившийся по итогам Великой Отечественной войны по большому счёту может быть признан адекватным, хоть и не вполне рациональным. Однако это не даёт повода подвергать ревизии данный образ (за чем неминуемо последует пересмотр остальных факторов в причинно-следственных связях истории Второй мировой войны) с целью, якобы, рациональной синтагматизации исторической роли Гитлера. Тот нейтрально-компромиссный подход к его личности, обозначившийся в публицистике последнего времени, когда предлагается видеть в нём всего лишь бедного неудавшегося художника с вытекающими отсюда психолого-неврологическими особенностями характера, не только завуалирует последующий «вклад» Гитлера в мировую историю, а по существу переворачивают с ног на голову тот самый механизм причинно-следственных связей. Муссируемые сегодня мифы о «человечности» Гитлера в отношениях с дамами, детьми, с

толпой, о его «нечеловеческой» работоспособности, о его всегда попадающей точно в цель интуиции и т.п. также могут быть расценены как ревизионизм ответственности за развязывание мировой войны. По логике апологетов этого подхода, любой диктатор, добившийся признания толпы и власти в государстве, так или иначе, преследует одни и те же цели, прибегает к одним и тем же средствам их достижения, принимает все свои решения, руководствуясь одной и той же логикой.

На самом деле историческая практика прихода к власти фашистов в разных странах в XX веке предоставляет нам свидетельства как схожих, так и различных черт созданных ими политических режимов. Да, путь Гитлера на вершину власти не был выстлан ковровой дорожкой. Исток его популярности также складывался из его конкретных действий, последствия которых он умел обращать в свою пользу. Так судебный процесс по так называемому «пивному путчу» он превратил в собственный бенефис, который сделал из местечкового героя полновесную политическую фигуру общенационального калибра. Да, суд приговорил его к пяти годам лишения свободы за преступление против целостности государства, однако тем самым дал возможность будущему диктатору в спокойной, изолированной обстановке (начальство Ландсбергской тюрьмы симпатизировало НСДАП) хорошо поразмыслить о причинах своей неудачи и спланировать свои последующие действия. Девять месяцев, фактически проведённые им в тюрьме из заслуженных шестидесяти, оказались достаточными, чтобы выносить и родить «Его борьбу», ставшую своего рода катехизисом фашистов во всём мире и обязательным пособием для новобранцев в третьем рейхе. В ней можно выделить все те программные установки НСДАП, которые найдут своё воплощение после 1932 года. Важно то, какими понятиями они были выражены стараниями Мориса и Гесса (поскольку сам Гитлер, чуравшийся со школьной скамьи научного метода познания, напрочь был лишён умения систематизировать информацию),²⁶ призывая, ругая, причитая по поводу неспра-

²⁶ См. Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. Т.1. Цит. по: Шубин А.В. Ук. соч. с. 60.

ведливости судьбы, постигшей немецкий народ: «неполноценные народы», «чистая раса», «бациллы человечества» и т.д. Сам Гитлер диктовал им свою книгу в более жёстких выражениях, о чём свидетельствуют звукозаписи его поздних выступлений, когда он уже мог никого и ничего не стесняться, но в 1924 году его приходилось придерживать его же соратникам. Тогда ещё рациональные бюргеры не восприняли бы эту галиматью из грубо сшитых между собой псевдо-благовестных идей. Но почему же затем они позволили себя обмануть этим «недообразованным теоретикам» и пошли за своим фюрером кто добровольно, кто под гипнотическим воздействием толпы, а кто из своекорыстных соображений, увидев возможность личной самореализации?

Это по-прежнему остаётся нерешённым вопросом историографии истории фашизма, несмотря на обилие обоснованных гипотез и всякого рода домыслов. Попробуем предположить, что одним из условий этого стало определение ключевой идеи для каждой социальной страты, которая явилась той «путеводной звездой», что привела их в ряды НСДАП. Особенно ярко это видно на примере художественных образов, которые составляют содержание произведений послевоенного искусства на военную тематику. Но это мы рассмотрим в отдельной главе.

Дальнейший ход событий, чаще всего образно ассоциируемый с фантазмагорией распространения «коричневой чумы» в социальном организме немецкого общества, также подробно изучен и многократно препарирован под самыми разными углами зрения. Кажущееся нелогичным, абсурдным, контрпродуктивным постепенное превращение Германии в заидеологизированное, маргинализованное, милитаризированное сообщество шовинистически настроенных неофитов, с которыми, опять-таки вопреки здравому смыслу, сохранившиеся довольно жизнеспособные либерально-демократические силы предпочитали заигрывать, а не вести с ними, как коммунисты, реальную борьбу. Альтернатива фашистской диктатуре внутри самой Германии становилась исчезающе малой. Ни фон Папен, ни Шлейхер, ни даже самый авторитетный тогда, хоть и

престарелый политик Пауль фон Гинденбург не смогли противостоять метастазированию этой заразы. Переизбрание в 1932 году Гинденбурга на Второй срок президентом Веймарской Республики многими было воспринято как отход от неотвратимой фашизации Германии. Но, как ни парадоксально, те, «кто голосовал за Гинденбурга, способствовали приходу к власти именно Гитлера».²⁷ Даже обнародованный 14 апреля Гинденбургом декрет о роспуске штурмовиков СА (силовой аппарат НСДАП) не смог повлиять на решимость Гитлера добиться верховной власти. Он сознательно блокировал работу правительства, манипулируя имеющимися в его распоряжении легальными ресурсами (депутатские мандаты, министерские портфели) с целью дискредитировать деятельность его оппонентов. И добился своего. После очередных политических интриг Гинденбург вынужден был назначить Гитлера 30 января 1933 года канцлером Германии, вопреки воле большинства избирателей (видимо, боязнь «красной угрозы» перевесила опасность «коричневой чумы»). Рукопожатие рейхспрезидента и рейхсканцлера 21 марта 1933 года символизировало собой преемственность нацизма в традиции германской государственности. Вскоре, после смерти Гинденбурга в 1934 году, Гитлер упразднил пост рейхспрезидента, возложив на себя должность главы государства с официальным титулом «фюрер и рейхсканцлер», замкнув на себе все ключевые посты.

Однако расстановка политических сил в Рейхстаге 1933 году не отражала реальную ситуацию. Всё ещё сильную оппозицию представляли собой левые (социалисты и коммунисты) имевшие в совокупности 130 депутатских мест в парламенте. Поэтому новые выборы в рейхстаг, назначенные Гитлером на 5 марта 1933 года не гарантировали ему парламентское большинство и даже деньги финансово-промышленных воротил, которые после прихода нацистов к власти потекли им рекой, решали отнюдь не всё. Ситуация случайным образом благоприятствовала Гитлеру. Совершивший поджог Рейхстага 27 февраля 1933 года Винсент ван дер Люббе кстати оказался бывшим членом компартии Ни-

²⁷ Шубин А.В. Ук. соч. с. 84.

дерландов. Несмотря на отсутствие прямых доказательств участия в поджоге коммунистов (листочка в кармане Ван дер Люббе таковым не была признана судом в Лейпциге, коммунисты были оправданы), маховик репрессивной машины фашистов получил необходимый импульс, обрушив всю свою мощь сначала на коммунистов, затем евреев, а там его уже было не остановить. Сыгравший таким образом на руку фашистам несостоявшийся «Герострат», открыл путь череде последовательных событий, фактически прекративших действие конституции и окончательно утвердивший в Германии тоталитарный режим.

В конечном итоге в Германии в 1930-е годы оформились не просто фашистская диктатура, нацистский социокультурный дискурс, идеология гитлеризма, а сформировалось уникальное явление в истории мировой цивилизации, представляющее собой противоречивое сочетание предопределённости его рождения и фантазмагоричности восприятия его существования. Последовавшие за этим вероломное попрание людских законов и даже законов природы, вопиющие преступления против человечности, извращающие здравый смысл новые моральные ценности и установки стали навсегда связанными с сущностным содержанием фашистского режима. Таким образом, рассмотренный нами процесс зарождения и развития фашизма, понимаемого как синтез националистической и имперской идеологии, реализованной в тоталитарной политической практике, стал ключевым звеном в цепи причин новой мировой войны. Крах гитлеровской Германии, означавший и крах фашизма, сразу же поставил главный вопрос в данной проблеме, нагляднее всего сформулированный Фридрихом Майнеке в своей последней, ставшей хрестоматийной работе «Немецкая катастрофа»: «является ли нацистский режим органичным продолжением прусско-германской государственности или случайным выбросом в истории страны?»²⁸ Несмотря на существование диаметрально противоположных точек зрения, думается, что наш вариант ответа на этот вопрос выглядит вполне обоснованным.

²⁸ Meinecke Friedrich. Die deutsche Katastrophe: Betrachtungen und Erinnerungen. Lexxion Verlag, 2018, s. 24.

1.3. Истоки Второй мировой войны: исторические факты и псевдоисторические мифы

Вспоминая сегодня знаменательную дату 75-летия Великой Победы мы должны обратить внимание и на развернувшуюся в прессе кампанию, направленную на ревизию истоков Второй мировой войны. Это ещё одно историческое событие, которое рассматривается, прежде всего, с политических позиций и определяется в соответствии с политическими и геополитическими интересами сторон.

Примером такого подхода может служить Международная научная конференция, организованная западногерманским исследовательским центром «Остколлег», которая прошла в декабре 1979 г. в Кёльне. Где рассматривались вопросы, связанные с происхождением Второй мировой войны. И здесь в ходе одного из заседаний приват-доцент из ФРГ А. Дюлфер заявил, что причиной войны явился советско-германский договор о ненападении, заключённый 23 августа 1939 г.

Развернувшаяся дискуссия с участием советских историков показала несостоятельность этой точки зрения. Однако и это заявление и дискуссия стали свидетельством неизменного стремления к пересмотру генезиса и истории Второй мировой войны²⁹. И главное на что делается упор - это поиск виновных.

Наиболее часто нам приходится сталкиваться с двумя мифами, имеющими устойчивый идеологический посыл.

Миф № 1. Равная ответственность Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны.

Миф № 2. Сталин — инициатор вторжения на территорию Германии, а Гитлер — жертва обстоятельств, вынужденный отвечать СССР превентивными мерами блицкрига 41-го³⁰.

²⁹ Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне /Под ред. Д.и.н. О.А. Ржешевского. – М.: Военная литература. 1983. – С. 8.

³⁰ Давыдов В.Н. Волонтеры реванша. 10 мифов о Великой Победе // Вестник РУДН. - Серия Международные отношения. - Июнь 2015. - том 15. - № 2. – Стр. 39

Оба мифа родились ещё в конце 30-х – 40-е годы. Их главная задача свести всю ответственность за Вторую мировую войну либо к двум персонам: Гитлер и Сталин, либо к двум странам Третий Рейх и СССР.

Особое внимание в вопросе определения ответственного за развязывание войны в публикациях мифотворцев и фальсификаторов уделяется событию, состоявшемуся 23 августа 1939 г. в Москве, когда министр иностранных дел Германии И. Риббентроп и председатель Совета народных комиссаров, народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов подписали Договор о ненападении. Договор устанавливал, что обе стороны обязуются воздержаться от всякого насилия, от всяких агрессивных действий и всякого нападения в отношении друг друга; в случае нападения на одну из договаривающихся сторон, другая не будет оказывать поддержку нападающей державе. Договор был заключен сроком на десять лет³¹.

Интерес к данному договору, более известному широкому кругу читателей как Пакт Риббентропа – Молотова обусловлен тем, что к нему прилагались договоренности о признании сфер интересов каждой стороны. Для СССР, осознающего неизбежность войны, это было связано с будущим западных территорий Белоруссии и Украины, а также стран Прибалтики и Бессарабии. Однако, именно это стало отправной точкой для утверждения, что СССР проводил агрессивную политику и стремился к расширению сфер влияния, путем восстановления границ Российской империи.

Например, эта точка зрения была представлена в монографии немецкого историка Фабри «Пакт Гитлера – Сталина. 1939-1941», где автор рассматривает пакт как инициативу Москвы с целью осуществления экспансионистских планов, заявляя, что «в Москве, а не в Берлине в августе 1939 года лежало решение о войне или мире», а Сталин, предпочтя войну, выступил в роли политика, спо-

³¹ Фролов М. И., Кузенкова М. В. Историко-правовые оценки пакта Молотова – Риббентропа // История и современность. – Стр. 162.

собного «осуществить мечты Петра Первого»³². Это точку зрения поддерживают, например, Я. Липински, Э. Нольте, В. Мазер и др. Особенно данная оценка популярна среди польских политиков и публицистов.

А далее уже хватило маленького шажка, чтобы обвинить СССР, в частности Сталина, в подготовке к войне и выдвинуть обвинения в ответственности СССР за начало Второй мировой войны. Этот подход, характерный для зарубежной историографии (ФРГ, США, Великобритании, Франции и др.) в годы «холодной войны», был подхвачен и в отечественной историографии. Примером тому могут служить труды М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина». М.И. Семиряги «Тайны сталинской дипломатии», А.Н. и Л.А. Мерцаловых «Сталинизм и война» и др.³³

Однако посмотрим, а что реально происходило в это время в мире и почему руководство СССР пошло на заключение Договора о ненападении. И начнем с истоков, которые и обусловили ход истории в 20-30-х годах XX столетия, приведя в конечном итоге к мировой войне.

Исходным пунктом, открывшим путь движения к войне, думается, стоит рассматривать Версальский мирный договор от 28 июня 1919 года, завершивший Первую мировую войну, а точнее изложенные в нём условия мира.

В выигрышном положении оказались победители. Более всего мирные условия были выгодны Англии и Франции, которые получили наибольшие преференции и территориального и финансового характера. Однако были и те кто будучи в стане победителей не получили желаемого, например Италия.

Успешным можно считать договор и для тех стран, которые по итогам войны получили статус суверенных государств – Австрия, Венгрия, Чехия, Польша и др., но эта независимость никак не обеспечивалась экономическими достоинствами.

³² Fabry P.W. Der Hitler-Stalin-Pakt 1939-1941. Darmstadt: Fundus, 1962 / Цит. по Сорокин А.Н. Пакт Молотова – Риббентропа: основные направления изучения в современной историографии ФРГ // Вестник СПбГУ. – Сер.2. – 2015. – Вып.2. – Стр. 45.

³³ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. М., 1992; Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. М., 1994.

В наиболее тяжелом положении оказалась проигравшая сторона - Германия. Итоги войны оказались настолько неприемлемыми для Германии, что вызвали горячий отклик в самой стране среди всех слоев населения к пересмотру Версальского мирного договора. Германия согласно этому договору подпадала и под аннексию территорий, и под серьёзные репарации, и под ограничение в войсках и вооружениях.

Например, как отмечал У. Черчилль, «по Версальскому договору Германии разрешалось иметь для поддержания порядка в стране профессиональную армию, не превышающую сто тысяч человек, с длительным сроком службы, что лишало ее возможности накапливать для себя резервы... Германии не разрешалось иметь какую-либо военную авиацию, запрещалось иметь подводные лодки, а германский военно-морской флот был ограничен незначительным количеством судов, тоннаж которых не должен был превышать десяти тысяч тонн»³⁴.

Сложившаяся ситуация неизбежно вела к росту реваншистских устремлений, и не только в Германии, но и в Италии, в Польше и других странах, которые считали себя или униженными, или обделёнными по итогам Версальского мирного договора.

Кроме того, возникла и ещё одна геополитическая проблема - возникновение СССР, государства, заявившего о построении справедливого народного государства. Правители Англии, Франции, США и другие европейские политические игроки, стремясь разрешить сохраняющиеся геополитические противоречия и дисбаланс в сфере интересов, обратили свой взор на СССР, уничтожение которого для многих открывало пути разрешить как геополитические противоречия, так и внутривосточные проблемы своих стран.

Первым шагом стала Локарнская международная конференция, проходившая с 5 по 16 октября 1925 года в Локарно (Швейцария) в целях заключения, как заявлялось официально, серии гарантийных соглашений для оконча-

³⁴ Черчилль У. Их звездный час / Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. - М.: Альпина нон-фикшн, 2010. - Кн. 1. - Т. 2. - Стр. 22-23. Цит. по Акаев В.Х. Вторая мировая война в интерпретации западных и российских «исследователей»: попытки ревизии // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>)

тельного "умиротворения Европы" после Первой мировой войны. В ней принимали участие представители Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Польши, Франции, Чехословакии под председательством британского министра иностранных дел О. Чемберлена.

Непосредственным поводом для открытия переговоров в Локарно послужило предложение о западноевропейском гарантийном пакте, сделанное Англией германским министром иностранных дел Штресеманом 20 января 1925 года. Этот шаг был подсказан немцам английским послом в Берлине лордом д'Аберноном. Под прикрытием гарантийного пакта правящие круги Англии планировали возрождение Германии как противовеса геополитики Франции в Европе и создание антисоветского блока с участием Германии³⁵.

По итогам конференции было подписано девять документов, среди которых наиболее важным был Рейнский гарантийный пакт, обеспечивающий неприкосновенность по западной границе Германии с Бельгией и Францией. Кроме того, Рейнским пактом гарантировалось также соблюдение статей 42 и 43 Версальского договора, касающихся Рейнской демилитаризованной зоны, нарушение её режима должно было рассматриваться как агрессия. Гарантами соблюдения Рейнского гарантийного пакта выступали Англия и Италия.

Однако гарантий по восточной границе Германии с Польшей и Чехословакией подписано не было, их неприкосновенность подтверждалась только арбитражными договорами. Вместо требования обеспечения гарантии восточных границ, Франция и Англия потребовали от Германии в качестве неременного условия заключения гарантийного договора вступления ее в Лигу наций, что предполагало её участие в санкциях против СССР на основе признания ею статьи 16 устава Лиги, предусматривавшей общее противодействие гипотетическому "нарушителю мира", под которым подразумевался СССР. Однако посол Германии Штресеман убедительно обосновал нежелательность этого, ссылаясь на то, что разоруженная Германия, вынужденная к тому же выплачивать репа-

³⁵ Дипломатический словарь. В 3-х томах. Том 2 — М.: Политиздат, 1971, стр. 205.

рации державам-победительницам, не в состоянии ни оказывать кому-то военную помощь, ни участвовать в экономических санкциях³⁶.

Локарнские договоры были окончательно подписаны в Лондоне 1 декабря 1925, а в сентябре 1926 г. Германия вступила в Лигу наций и получила постоянное место в Совете. Вступление Германии в Лигу наций привело к отмене военного контроля союзников над Германией и открыло перспективы для восстановления её геополитического статуса. Ведь в отличие от Версальского договора соглашения в Локарно были заключены с Германией как с политически равноправной стороной.

США не принимали участия в Локарнских соглашениях, но фактически оказывали им поддержку. Президент США Кулидж одобрил их заключение, так как «умиротворение» западной Европы создавало благоприятную обстановку для американской экономической экспансии.

Заключение Рейнского пакта расценивалось как поворот Германии в сторону Запада. Итоги Локарнской конференции создавали прямую угрозу политической изоляции СССР, на фоне ухудшения взаимоотношений Германии с Советским Союзом. Однако антисоветская направленность договоров на этом этапе не оправдалась. Для Германии было выгодно сохранять отношения с СССР и торгово-экономические, что подтвердил советско-германский экономический договор, подписанный 12 октября 1925 года, и военно-политические, что подтвердил договор о дружбе и нейтралитете, подписанный 24 апреля 1926 года³⁷.

Возвращение Германии на равноправные позиции с Англией, Францией, США и др. открывали перспективы для нового этапа развития международных отношений, которые всё больше начали приобретать «двуликость Януса».

С одной стороны все готовы разрешать возникающие противоречия мирным путем. Пример тому пакт Бриана-Келлога, принятый 27 августа 1928 года

³⁶ Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. - Том 25. - М.: БСЭ, 1954. - Стр. 361-362

³⁷ Дипломатический словарь. В 3-х томах. - Том 2. - М.: Политиздат, 1971. - Стр. 206-207

в Париже и вступивший в силу 24 июля 1929 года. Пакт предполагал отказ от войны как средства решения спорных международных вопросов и был подписан Англией, Францией, Германией, США, Японией и ещё 10 странами, в последующем к ним присоединилось ещё 48 государств, включая СССР.

С другой стороны страны-подписанты продолжают вести военные действия, решая вопросы достижения национальных интересов, например, в 1931 году Япония оккупирует Маньчжурию. А также продолжается политика «умиротворения» и возрождения Германии. Ей активно способствуют и «план Юнга» 1929 года о методах помощи Германии по выплатам репараций и декларация о признании принципа равноправия Германии в вопросах вооружений подписанная Великобританией, Италией, США и Францией 11 декабря 1932 года.

Кроме того, ведутся переговоры по формированию новых союзов и блоков, например, интересна попытка создания в 1933 году «Пакта четырех» - Великобританией, Германией, Италией и Францией, который предусматривал бы совместные действия в европейских и колониальных делах. Однако из-за слишком явных противоречий не был ратифицирован.

Одновременно всё серьезнее проявляются социально-экономический кризис, усиленный Великой депрессией в США, и политический кризис, выразившийся в кризисе парламентаризма как политической системы неспособной разрешать актуальные вызовы времени. Это практически открывает путь к власти фашиствующим режимам, которые начинают активную борьбу за власть в противодействии с социал-демократическими и коммунистическими партиями. Лидером среди них становится Германия, где 30 января 1933 года А. Гитлер назначается рейхсканцлером, а уже 14 марта 1933 года, воспользовавшись поджогом Рейхстага, он вводит запрет на деятельность коммунистической партии Германии, а в июне-июле 1933 года этот запрет распространяется на все политические партии кроме НСДАП.

2 августа 1934 года А. Гитлер становится президентом Германии, в руках которого практически концентрируется вся власть в стране. С этого времени

Германия начинает неуклонное движение на укрепление вооруженных сил и военно-промышленного комплекса, на возвращение и приращение территорий, а также нацеливается на передел сфер влияния и выдвижение на позиции геополитического лидера мира. Этому способствует то, что уже в 1933 году Германия выходит из Лиги наций, тем самым, развязывая себе руки.

Одним из государств, поддержавших в этом Германию, становится Польша. 26 января 1934 года польское правительство подписывает польско-германскую декларацию о дружбе и ненападении, одновременно прекратив переговоры о безопасности в Восточной Европе с СССР³⁸. Интересный исторический факт, который как-то «подзабыт».

Результатом «свободы рук» становится поэтапное преодоление последствий Версальского мирного договора. В 1935 году, опираясь на решение плебисцита Германия, включает в состав территорий Саарскую область, с 1920 года находившуюся под эгидой Лиги наций. В этом же году принимается закон о всеобщей воинской повинности в Германии, что уже является прямым нарушением Версальского договора. Однако возражений со стороны гарантов договора не только не следует, но ими принимаются решения о кредитах и инвестициях. Например, американский исследователь Ч. Хайэм в труде «Сделка с врагом. Разоблачение нацистско-американского денежного сговора 1933—1949 годов», основываясь на документах Национального архива США, раскрывает картину экономических связей с гитлеровскими банкирами руководящих деятелей крупнейших американских концернов и банков: «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Чейз Манхэттен бэнк», «Тексас компани», «Форд» и др.

Единственной силой готовой противостоять фашизму и фашистским государствам во главе с Германией остается Коммунистический Интернационал во главе с СССР. 25 июля 1935 года VII Конгресс Коминтерна берет курс на со-

³⁸ Мухин Ю. И. Кто на самом деле развязал Вторую Мировую войну? М.: Яуза-пресс, 2010. Цит. по Акаев В.Х. Вторая мировая война в интерпретации западных и российских «исследователей»: попытка ревизии // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>)

здание антифашистского «народного фронта», его поддерживают все коммунистические партии мира.

Однако этого уже недостаточно. Германия наращивает свою военную мощь и начинает активную «геополитическую игру», втягивая в неё весь мир. И важную роль в этом играет, прежде всего, позиция Англии. На что указывают источники, например, донесение германского посла в марте 1935 года в Берлин: «Сейчас достигнуто физическое равенство прав для Германии в вооружениях на суше; задача германского государственного руководства состоит в том, чтобы завершить это огромное достижение. ... Ключ к положительному решению находится в руках Англии»³⁹.

И этот «ключ» Англией был предоставлен. 18 июня 1935 года было заключено соглашение между Великобританией и Германией о морских вооружениях. Чем объяснить это соглашение? По видимому тем, что Англия продолжала реализовывать политику «умиротворения и вооружения» Германии с целью использования её в своей «геополитической игре» против СССР. Разменной картой должна была стать судьба Восточной Европы.

7 марта 1936 года войска Германии вступили в демилитаризованную зону Рейнской области и денонсировали Локарнские соглашения. Тем самым явно нарушив и Версальский договор, и Рейнский гарантийный пакт. И опять гарантии в лице Италии и Англии промолчали. Промолчала и Франция, хотя это уже был акт агрессии против неё. Политика «умиротворения и вооружения» направляемая против СССР продолжалась, несмотря на проявляющуюся угрозу со стороны Германии самим «умиротворителям».

Вскоре Германия приступила к формированию союзного блока, получившего название «Антикоминтерновский пакт», который позднее превратился в Берлинский пакт, ставший открытым военным союзом. В состав пакта вошли в 1936 году Япония, в 1937 году Италия, в 1939 году Венгрия и др.

³⁹ Documents on German Foreign Policy 1918 – 1945/ Series C, vol. III. Washington, 1957, p.1018. Цит. по Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне /Под ред. Д.и.н. О.А. Ржешевского. – М.: Военная литература. 1983. – С. 32.

Март 1938 года ознаменовался ещё одним нарушением версальских договоренностей. Германия осуществила аншлюс (присоединение) Австрии в нарушение Сен-Жерменского договора, запрещавшего слияние Германии и Австрии. Попытки Австрии найти поддержку в Англии и Франции оказались тщетными. И только советское правительство осудило аншлюс и 17 марта 1938 года предложило созвать международную конференцию с целью определения метода предотвращения дальнейшей германской агрессии. «Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого ещё не пришло, если все государства, в особенности великие державы, займут твёрдую недвусмысленную позицию в отношении коллективного спасения мира»⁴⁰.

Однако 17 марта 1938 года отстаивать независимость Австрии не удалось, поскольку Англия, Франция и США не только игнорировали предупреждение Советского Союза, но и вообще сделали вид, что не заметили исчезновения с политической карты Европы независимой Австрии, просто потому что это соответствовало их геополитическими интересам в этот момент⁴¹.

Независимая страна стала германской провинцией. Официально в соответствии с волеизъявлением австрийского народа на референдуме, проведенном 10 апреля 1938 года уже после аншлюса.

Дальнейшие устремления Германии направились к Чехословакии в составе которой находилась Судетская область, населенная этническими немцами. Здесь была развернута работа среди населения по организации его к борьбе за возвращение Судетов в состав Германии. В Судетской области начались волнения. Германия выразила готовность поддержать немцев Судет. Чехословакия 23 сентября 1938 года начала мобилизацию для защиты своей территории, в ответ 28 сентября началась мобилизация в Германии.

Противостояние обострилось настолько, что вмешательство других стран не замедлило себя ждать. И опять мы можем наблюдать две стороны процесса.

⁴⁰ СССР – Австрия: Документы и материалы. М., 1980, С. 14-15.

⁴¹ Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне /Под ред. Д.и.н. О.А. Ржешевского. – М.: Военная литература. 1983. – С. 41.

С одной – СССР, подтвердивший готовность выполнить свои обязательства по советско-чехословацкому договору о взаимопомощи от 16 мая 1935 года. Эту готовность признавал и президент Чехословакии Э. Бенеш: «В том, что Советский Союз в случае необходимости каким-либо путем окажет нам помощь, я не сомневался ни одного мгновения»⁴².

С другой – Англия, Франция и другие, продолжившие политику «умиротворения» и потворствующие нацизму в его планах расширения «жизненного пространства», за счёт Судетской области, так как это было «уступкой Германии районов, население которых говорило на немецком языке»⁴³.

Это подтверждается тем, что премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен 12 сентября 1938 года обратился к Гитлеру с просьбой о личной встрече, чтобы изложить фюреру проект, названный для секретности «планом Зет». Он так изложил свой «план» в письме своему ближайшему сподвижнику Ренсиму: «...я сумею убедить его [Гитлера], что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-германского понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса... Наверное, можно будет найти решение приемлемое для всех, кроме России»⁴⁴.

И уже 21 сентября 1938 года посланники Англии и Франции поставили президенту Чехословакии Э. Бенешу ультиматум: «если война возникнет вследствие отрицательной позиции чехов, Франция воздержится от всякого вмешательства, и в этом случае ответственность за провоцирование войны падет на Чехословакию. Если чехи объединятся с русскими война может принять характер крестового похода против большевизма, и правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне»⁴⁵.

⁴² Benes E/ Ou vont les slaves? Paris, 1948, p. 212. Цит. по Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне /Под ред. Д.и.н. О.А. Ржешевского. – М.: Военная литература. 1983. – С. 42.

⁴³ Kennan G. From Prague after Munich. Diplomatic Papers 1938-1940. New York, 1968, p. XII-XIV. Цит. по Кульков Е.Н.... С. 42.

⁴⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кн. 1. Суровые испытания. – М., 1998. – С. 18.

⁴⁵ Там же. – С. 18.

В итоге на состоявшейся 29 сентября 1938 года в Мюнхене встрече представителей Чехословакии, Англии, Франции, Германии, Италии, а также Польши и Венгрии было подписано соглашение.

Мюнхенское соглашение предусматривало передачу Германии Судетской области и пограничных с Австрией районов. Были также удовлетворены территориальные претензии, предъявленные к Чехословакии со стороны Польши (Тишинская область Силезии) и Венгрии (Южная Словакия). Кстати, уже в Берлине польский министр иностранных дел Бек предлагал свои услуги Германии по завоеванию Украины в случае поддержки Гитлером ее претензий на выход к Черному морю⁴⁶.

В своем труде «Мюнхен. Цена мира» американский исследователь Т. Тейлор назвал Мюнхенское соглашение «дипломатическим землетрясением, которое подорвало существовавшую структуру Европы, до предела обострило международный кризис, приведший великие державы на порог войны». Автор утверждает, что одной из причин мюнхенского сговора был антисоветизм правящих кругов Англии и Франции, на котором спекулировали гитлеровцы, отмечая, что в случае объединения усилий СССР, Англии и Франции имелись бы реальные возможности воспрепятствовать германской агрессии. Однако Тейлор стремится главным виновником определить Гитлера, который смог переиграть всех, в то время как Чемберлен принес в жертву агрессору Чехословакию, действуя «в интересах англичан и правильно их понимая»⁴⁷.

К чему же привело подписание Мюнхенского соглашения? Как оно отразилось на геополитической обстановке конца 30-х годов?

Прежде всего, стало очевидным, что сохранение мира в Европе и мире оказалось под очень большим сомнением. Очень быстро и во Франции, и в Англии стали понимать, что Мюнхенское соглашение это не компромисс, а победа

⁴⁶ Акаев В.Х. Вторая мировая война в интерпретации западных и российских «исследователей»: попытки ревизии // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>).

⁴⁷ Taylor T. Munich. The Price of Peace, New York, 1979. p. 62, 995. 1004. Цит. по Ржешевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. - Изд. 2-е, доп и перер. – М: Мысль, 1984. - С. 80.

Германии и её союзников. Однако надежда направить Германию на СССР ещё сохранялась.

Кстати уже 30 сентября и 6 декабря 1938 года сначала Англия, а затем Франция подписывают с Германией *декларации о ненападении и мирном урегулировании спорных вопросов*. Как видим постулат «национальные интересы превыше всего» подталкивал Англию и Францию с легкостью решать территориальные вопросы за чужой счет, идти на компромиссы ради достижения цели. Как результат Мюнхенское соглашение породило недоверие к миролюбивым заявлениям Лондона и Парижа.

Советское руководство вынуждено было принимать меры по укреплению обороноспособности СССР и искать выход из дипломатической изоляции, в которой оказалось Советское государство. «Можно предположить, – как подчеркивал И.А.Чельшев, – что именно после Мюнхена стала складываться идея о возможности сближения с Германией, несмотря на то, что фашистский рейх считался более опасным и наиболее вероятным противником Кремля».⁴⁸ Эта констатация факта была озвучена в последующем, когда И. Сталина отметил, что «не было бы Мюнхена, не было бы и пакта с Гитлером», беседуя с У. Черчиллем, тот ни словом не возразил ему⁴⁹.

15-16 марта 1939 года Германия оккупирует Чехословакию. И вновь Англия и Франция не исполняют свой союзнический долг. Напротив, Англия при поддержке Франции и США начинает новый этап геополитической игры.

21 марта 1939 года Англия и Франция устанавливают контакты с Советским Союзом. Англо-франко-советские переговоры, а точнее англо-франко-советские, британо-германские и германо-советские переговоры, проходили практически параллельно в сложной международной обстановке, так как поворот к войне был уже очевиден для всех. 23 марта Германия оккупировала порт

⁴⁸ Чельшев И.А. Международная политика СССР накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941) // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994. – С. 411. Цит. по Фролов М. И., Кузенкова М. В. Историко-правовые оценки пакта Молотова – Риббентропа. – С. 164 // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>).

⁴⁹ См.: Трубайчук А.Ф. Пакт о ненападении. Была ли альтернатива Второй мировой войне. – Киев, 1990. – С. 72. Цит. по Фролов М. И., Кузенкова М. В. Историко-правовые оценки пакта Молотова – Риббентропа // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>).

Клайпеду (Литва), 28 апреля аннулировала пакт о ненападении, заключенный в 1934 году с Польшей.

Теперь каждый стремился выиграть время и занять выгодную позицию в переговорах, достигнув желаемых целей.

Советский Союз стремился сохранить мир, заключив договор с Англией и Францией о взаимной поддержке в случае агрессии. Однако политические переговоры шли очень тяжело, потому что со стороны Англии и Франции это были «переговоры ради переговоров». Об этом свидетельствует заявление Н. Чемберлена о том, что он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами, но чтобы противодействовать нормализации отношений между Германией и СССР, считает целесообразным какое-то время продолжать поддерживать переговоры с Москвой»⁵⁰.

Англия и Франция стремились избежать войны с Германией, решить «польскую проблему» путем компромисса с рейхом и направить агрессию Германии на Восток, на Советский Союз.

Об этом свидетельствует факт секретных британо-германских переговоров, проходивших в конце июля – начале августа 1939 года в Лондоне между министром по делам заморской торговли Германии Хадсоном и ближайшим советником Чемберлена Вильсоном. Речь шла ни много, ни мало о заключении англо-германского пакта о ненападении, о невмешательстве и разделении сфер влияния. При этом английские правящие круги обещали гитлеровцам прекратить переговоры с СССР и отказаться от гарантий Польше, незадолго до этого предоставленных Англией (31 марта 1939 года). Об этом убедительно говорит записка германского посла в Лондоне Дирксена о беседах Г. Вольтата с Хадсоном и Вильсоном: «Сэр Гораций Вильсон, – писал Дирксен, – определенно ска-

⁵⁰ Новейшая история Отечества XX век. – М., 1998. – Т.2. – С. 95–96. Цит. по Фролов М. И., Кузенкова М. В. Историко-правовые оценки пакта Молотова – Риббентропа. – С. 166 // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>).

зал г-ну Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши».⁵¹

Детали сговора предполагалось, как свидетельствуют английские источники, уточнить при личной встрече Чемберлена с Герингом, поездка которого на Британские острова была назначена на 23 августа. Самолет Геринга должен был приземлиться на уединенном аэродроме в Хартфордшире, где его в строжайшей тайне готовились встретить представители английского правительства. Отсюда рейхсмаршал собирался проследовать в Чекерс, загородную резиденцию Чемберлена⁵².

Практически англо-германские переговоры велись параллельно с англо-франко-советскими, очередной этап которых начался 12 августа 1939 года в Москве, где должно было быть подписано военное соглашение об оказании военной помощи в случае агрессии в отношении одной из сторон. Однако правительства Англия и Франция упорно не желали договариваться о создании коалиции. Об этом свидетельствует тот факт, что представители Англии и Франции практически не имели каких-либо полномочий для подписания документов. Особенно негативную роль в срыве переговоров сыграла Польша, категорически заявившая, что в случае начала военных действий она никогда не пропустит советские войска через свою территорию для оказания помощи союзникам. О чём свидетельствует телеграмма, посланная министром иностранных дел Польши Ю. Бекком своему послу во Франции, в которой он заявляет: - «Поскольку с Советами не связывают никакие военные договоры, – польское правительство такой договор заключать не собирается»⁵³. 22 августа англо-франко-советские переговоры завершились безрезультатно.

⁵¹ Документы и материалы конца второй мировой войны. – М., 1948. – Т. 2. – С. 72, 75. Цит. по Фролов М. И., Кузенкова М. В. Историко-правовые оценки пакта Молотова – Риббентропа. – С. 165 // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>).

⁵² Мосли Л. Утраченное время: Как начиналась вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. М., 1972, с. 306. Цит. по Ржешевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. - Изд. 2-е, доп и перер. – М: Мысль, 1984. - С. 83-84.

⁵³ Наше Отечество. – М., 1991. – С. 382. Цит. по Фролов М. И., Кузенкова М. В. Историко-правовые оценки пакта Молотова – Риббентропа. – С. 167 // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>).

А в это время международная обстановка обострилась до предела. Война могла начаться в любой момент. Особенно неблагоприятной была ситуация для СССР. Опасность усугублялась тем, что война надвигалась на Советский Союз не только с запада, но и с востока со стороны Японии. В результате сложившейся обстановки у СССР альтернатива была жесткой: либо война и возможно на два фронта, либо лавирование и компромиссы.

Руководство Советского Союза пошло на переговоры с Германией. Ещё до завершения англо-франко-советских переговоров, когда стало очевидно, что они бессмысленны, советское правительство 19 августа 1939 года, оценив настойчивость Германии, дало согласие на приезд Риббентропа в Москву для ведения переговоров. 23 августа 1939 года был подписан советско-германский Договор о ненападении, получивший название Пакт Риббентропа-Молотова. Это был серьёзный шаг, который вызвал геополитический взрыв, одним махом разрушив стратегические игры основных геополитических игроков.

И это был несомненный успех советской дипломатии. Советский Союз смог не только оттянуть неизбежное столкновение с Германией, но и предотвратил угрозу со стороны Японии. 25 августа Япония заявила, что ввиду советско-германского пакта прекращает переговоры с Германией и Италией. А уже 15 сентября 1939 г. было заключено перемирие между Японией и СССР, а затем, 13 апреля 1941 г., и советско-японский договор о нейтралитете, способствовавший улучшению ситуации на восточных границах Советского Союза⁵⁴.

Что касается секретных советско-германских договоренностей, которые и ставятся в вину Сталину, то их следует оценивать не с позиции морали, так как отметил И. Гобозов: «в политике нет никакой морали. Мораль обращена к личности, то есть к части, а политика — к народу, государству, то есть к целому. И если государству, народу угрожает опасность, то приходится жертвовать личностью. И это не зависит от политиков, это закон политики... Конечно, никакой аморальности нет в пакте Молотова — Риббентропа: советские руководители

⁵⁴ Фролов М. И., Кузенкова М. В. Историко-правовые оценки пакта Молотова – Риббентропа. – С. 170 // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>).

защищали прежде всего интересы своего государства, а не интересы какой-нибудь другой страны»⁵⁵, а с позиции геополитических интересов СССР, так как «в тот момент, когда на карту было поставлено само существование страны, верх взяли неумолимые геополитические и военно-стратегические императивы»⁵⁶.

Подводя итоги рассмотрению вереницы событий кануна Второй мировой войны мы можем сделать следующие выводы. В то время, когда руководители и Англии, и Франции, и США, Польши и других стран, играя в геополитические игры, преследовали свои цели и реализовывали свои интересы. В то время, когда Германия и её союзники Италия и Япония активно готовились к войне, стремясь к переделу сфер влияния в своих интересах. СССР также вынужден был принимать участие в этом процессе.

Только главные цели участников исторического процесса были существенно различными. СССР, прежде всего, стремился сохраниться как независимое государство и обеспечить для себя возможности развития при сохранении мира. А вот ведущие державы мира стремились с одной стороны решить вопрос о сферах влияния и геополитического господства, а с другой стороны уничтожить Советский Союз как живой пример функционирования иной социально-политических модели развития. И желательно сделать это руками Третьего рейха. Это и стало лейтмотивом и «политики умиротворения» по отношению к Германии, и политики недоговороспособности по отношению к СССР, и геополитических игр, приведших в конечном итоге ко Второй мировой войне, которая началась 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу.

⁵⁵ Гобозов И. А. История и мораль // Философия и общество. 2010. № 1. С. 19.

⁵⁶ Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 тт. Т. 2. Происхождение и начало войны. — М., 2015. — с. 124.

2. Интерпретации истории Великой Отечественной войны: основные приемы и тенденции

Мифотворчество, направленное на искажение, ревизию истории Второй мировой войны и роли в ней СССР серьезным образом затронуло и историю Великой Отечественной войны, как её части. И цель здесь одна – умалить роль Советского Союза, стереть из памяти подвиг советского народа в войне, тем самым, уничтожив чувство признательности за освобождение народов Европы, и низвергнув историческую память о вкладе СССР в Победу во второй мировой, Великой отечественной войне.

Наша задача не допустить этого, развенчивая мифы интерпретаторов-ревизионистов. Что мы и постараемся сделать раскрыв сущность наиболее популярных среди них.

2.1. Как «генерал Зима и генерал Грязь» победили доблестный вермахт, или природно-географические условия как ключевой фактор победы

Практически уже в ходе Великой Отечественной войны, когда войска вермахта не смогли реализовать план «Барбаросса», были предприняты со стороны противника первые попытки найти этому объяснение. Появилась версия, согласно которой непреодолимыми препятствиями на пути победоносного продвижения этих войск стали огромные пространства, недостаточное развитие дорожной инфраструктуры и, наконец, холодный климат - обстоятельства, с которыми столкнулась военная машина гитлеровской Германии на территории Советского Союза.

Версия, которой была суждена долгая жизнь, начала отрабатываться на примере битвы под Москвой. Эта битва отличалась большим размахом боевых действий и крайней напряженностью. Она состояла из нескольких этапов: оборонительная операция советских войск в октябре – ноябре 1941 года, контрнаступление под Москвой в декабре 1941 года, наступательная операция советских войск на московском направлении в январе – апреле 1942 года.

В битве под Москвой группировка противника «Центр» понесла настолько существенные потери, что это привело к окончательному провалу операции «Барбаросса» и приостановлению продвижения войск вермахта на Восток.

Эта крупная победа советских войск оказала важное влияние на дальнейший ход войны, ознаменовав собой начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Был развеян миф о непобедимости германских войск, похоронен план «блицкрига».

Лидеры Великобритании и США по горячим следам отметили значение этой битвы для хода мировой истории. У. Черчилль 11 февраля 1942 года писал И. Сталину: «Нет слов, чтобы выразить восхищение, которое все мы испытываем от продолжающихся блестящих успехов Ваших армий в борьбе против германского захватчика. Но я не могу удержаться от того, чтобы не послать Вам ещё слово благодарности и поздравления по поводу всего того, что делает Россия для общего дела».⁵⁷

Исследователи истории Великой Отечественной войны в последующем так же признали это. «Ожесточенность и твердость, с которой сражались русские даже в безнадежном положении, оказавшись в окружении,— пишет А. Тэрни,— вызывали удивление и оцепенение в высшем командовании германских вооруженных сил».⁵⁸ И это притом, что как отмечали Т. Дюпуи и П. Мартелл, соотношение сил к началу декабря все еще оставалось в пользу вермахта: «Советское контрнаступление было подготовлено в ходе немецкого наступления и осуществлено без оперативной паузы, в сложнейших условиях»⁵⁹.

Но звучали и другие голоса, другие оценки. Сначала сами участники сражения как в своих докладах в немецкий Генштаб, так в дневниках и письмах на Родину писали о роковой роли распутицы и жестоких морозов в военных неудачах вермахта.

⁵⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – М., 1976. – Т. 1

⁵⁸ Turney A. Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941—1942. Albuquerque, 1970. p. 54. Цит. по Ржешевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. - Изд. 2-е, доп и перер. – М: Мысль, 1984. - С. 184.

⁵⁹ Dupuy T., Martell P. Great Battles on the Eastern Front, p. 14. Цит. по Ржешевский О.А. Там же. - С. 184.

Впервые эта версия была пущена в ход фашистской пропагандой. Германское верховное командование еще в декабре 1941 года выступило с заявлением, в котором утверждало, что «зимние условия» заставили немцев перейти «от войны маневренной к войне позиционной» и «сократить линию фронта». В директиве ОКВ № 39 от 8 декабря 1941 г. говорилось: «Преждевременное наступление холодной зимы на Восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне»⁶⁰.

Затем эта идея была подхвачена в послевоенное время исследователями истории Второй мировой войны. Так, в одном из коллективных трудов, изданных в США в 1977 году, содержится следующий вывод: «Климат Советского Союза играл главную роль в войне. Он был ключевым фактором... Советские имели на своей стороне генерала Зиму и генерала Грязь»⁶¹. Ему вторит американский публицист Х. Болдуин, отмечая, что не героическое сопротивление советских воинов, которое никогда не было сильным, а огромные расстояния, многочисленные реки, неблагоприятные для гитлеровцев климат и окружающая среда сыграли решающую роль в срыве блицкрига⁶².

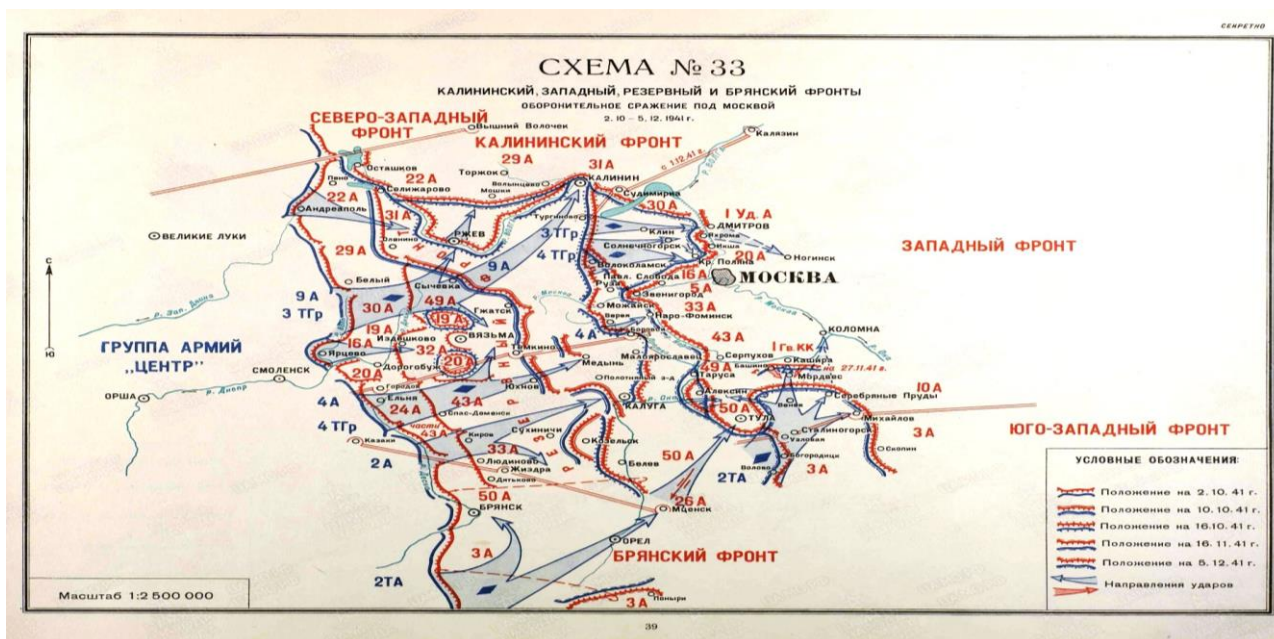
⁶⁰ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. 2. М., 1973, с. 257. Цит. по Ржешевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. - Изд. 2-е, доп и перер. – М: Мысль, С. 187.

⁶¹ War in the East. The Russo-German Conflict 1941-1945. – USA, 1977. – p. 22

⁶² Boldwin H. The Crucial Years. 1939-1941. New York, 1976. – P 320-321. Цит. по Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне /Под ред. Д.и.н. О.А. Ржешевского. – М.: Военная литература. 1983. – С. 102.

Особый упор на чудовищную распутицу и небывалые морозы был сделан в трудах Л. Купера (США), А. Ситона (Великобритания), П. Карела (Германия), Ф. Масона (Франция) и других. С точки зрения Л. Купера именно «бездонная грязь на дорогах стала важнейшим препятствием для дальнейшего продвижения немецко-фашистских войск»⁶³. Другие авторы больше внимания уделяют морозам, приводя цифры, которые вызывают изумление: П. Карел утверждает, что под Москвой во время операции «Тайфун» температура достигала 52° по Цельсию, тот же Л. Купер – 63°.⁶⁴ Всё это и привело, по мнению зарубежных историков, к тому, что войска вермахта несли ощутимые потери, как в людской силе, так и в материальных ресурсах. Что мы можем на это ответить?

Остаётся прибегнуть к фактам, что и делает учитель. Основное наступление на Москву началось 2 октября 1941 года. Войска вермахта осуществили прорыв в районе Брянска и Вязьмы и открыли 500 км. брешь в линии обороны. 10 октября 1941 года – вышли на ржевское и калужское направление, успешно продвигаясь к Калинин (Тверь) и Калуге. 16 октября 1941 года линия фронта продвинулась за Можайск и к 16 ноября вышла на рубеж Калинин (Тверь) - Волоколамск – Наро-Фоминск – Серпухов – Новомосковск. К 5 декабря 1941 года противник практически вплотную подошел к Москве на линии Клин - Мытищи.

⁶³ Cooper L. Many Roats to Moscow. New York, 1968. - P. 215—216.

⁶⁴ Der Zweite Weltkrieg, Bd.1. S/ 352; Cooper L. Op. cit. - P 228.

По данным метеорологических служб, температура в этот период была скорее благоприятна для наступления вермахта. Сентябрьская распутица, схваченная первыми морозами, открыла дороги на Москву, о чём свидетельствуют данные метеонаблюдений аэродрома им. Фрунзе под Москвой⁶⁵:

Дата:	t° мин.	t° сред.	t° макс.
02.10.41	-1,2	+5,1	+14,1
10.10.41	-4,2	-1,7	+2,5
16.10.41	-5,1	-2,0	+1,0
16.11.41	-8,1	-6,4	-5,0
05.12.41	-25,3	-23,6	-9,0

Обобщая эти данные, мы можем сделать вывод, что температура под Москвой в ноябре 1941 года при абсолютном минимуме не превышала 18 градусов, при среднемесячном минимуме – 6 градусов мороза; и только в декабре абсолютный минимум составил 31 градус при среднемесячном минимуме 14,6 градуса мороза.

Таким образом, практически развеивается миф о сильном морозе, якобы помешавшем вермахту победоносно завершить операцию «Тайфун». На чаше весов оказались не природные аномалии, а беспрецедентный героизм противоположной стороны - бойцов и командиров Красной Армии, добровольцев и рядовых москвичей, которые проявили чудеса самоотверженности, защищая свой город и в его лице - всю страну.

Важным будет отметить, что, сорвав план блицкрига, советские войска замедлили продвижение противника к Москве. Логистика вермахта не справилась с обеспечением войск обмундированием и эффективным вооружением.

Как показала история, не природа и погода являются определяющими факторами в достижении победы. Многое зависит от оперативного командования, умения быстро перегруппировать силы и выстроить логистику, а также от мужества сражающихся.

⁶⁵ Цит. по URL: http://www.great-country.ru/rubrika_myths/vov/00011.html или см. Муриев Д.З. Провал операции «Тайфун». – М., 1972.

И это лучше всего можно обосновать двумя высказываниями, принадлежавшими военачальникам, прошедшим Великую Отечественную войну.

Это запись в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера, сделанная им в августе 1941 г.: «Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс — Россия... был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности на чисто военные возможности русских»⁶⁶.

И это оценка событий, данная маршалом Советского Союза Г. К. Жукова в его мемуарах: «Нет! Не дождь и снег остановили фашистские войска под Москвой. Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск разбила о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых был их народ, столица, Родина»⁶⁷.

⁶⁶ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1. М., 1971, с. 264. Цит. по Ржешевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. - Изд. 2-е, доп и перер. – М.: Мысль. - С. 188.

⁶⁷ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. - М.: Воениздат, 1969. - С. 361.

2.2. Как «немецкая армия погибла из-за предательства Гитлера», или влияние решений военного командования на ход военных действий

Каждый раз, обращаясь к анализу хода и исхода сражений Великой Отечественной войны, исследователи обязательно оценивают эффективность командования с обеих сторон. Зачастую анализ ведется с ангажированных, политизированных позиций. Это и былой антисоветизм со стороны зарубежной историографии, это и антисталинизм со стороны отечественной историографии.

Относительно германского командования западные военные историки нередко прибегают к объяснению неудач вермахта на советско-германском фронте ошибочными решениями, принимавшимися лично А. Гитлером. Обвинение именно Гитлера оказывается достаточно удобным. Тут и немецкая армия выводится из-под критики: войска вермахта сделали всё, что было в их силах, однако неумелое руководство свело на нет их доблесть. Тут и штаб Верховного главнокомандования вермахта оказывается в позиции жертвы, вынужденной исполнять приказы несостоятельного в военном, да и в политическом плане фюрера.

Как результат получаем «интересную» интерпретацию. Великую Отечественную войну выиграл не Советский Союз, её проиграл «лично» Гитлер. Ну что тут скажешь?

Обратимся к истории Сталинградской битвы и её трактовкам. Традиционно считается, что это было одно из выдающихся сражений не только Великой Отечественной войны, но и в целом всей Второй мировой войны. И современники события, и военные историки сходятся во мнении, что Сталинградская битва явилась грандиозным успехом советских войск и катастрофой вермахта. Это была битва, которая подняла боевой дух советских солдат и деморализовала войска Германии и её союзников.

Об этом свидетельствуют, например, послания Ф. Рузвельта и У. Черчилля, направленные И. В. Сталину. С ними можно ознакомиться в «Переписке Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-

министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

Ф. Рузвельт: *«От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самопожертвование которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против агрессии»*.⁶⁸

Излагая историю Сталинградской битвы, учитель, как правило, говорит о том, что победа в ней была обеспечена рядом факторов. Во-первых, это героизм и отвага бойцов и командиров Красной Армии, которые сначала обороняли Сталинград, а затем освобождали его, развивая советское наступление. Во-вторых, роль советского командования, которое смогло спрогнозировать развитие событий в районе Сталинграда и разработать эффективный план контрнаступательной операции «Уран».

Однако в зарубежной историографии рассматриваются иные факторы поражения вермахта под Сталинградом. Одна из наиболее распространенных версий - фатальная роль Гитлера. Об этом в своих мемуарах писал фельдмаршал Э. Манштейн, за ним - американские историки Э. Зимке «Сталинград – Берлин: Поражение немцев на Восточном фронте», У. Крейг «Враг у ворот. Битва за Сталинград», У. Керр «Тайна Сталинграда» и немецкие историки О. Цирер «Германия: Малая история великой нации», М. Кериг Сталинград. Анализ и документация битвы», а также другие специалисты. Так, Э. Зимке утверждал, что поражение вермахта под Сталинградом явилось в «большой степени следствием ошибок Гитлера, нежели результатом советского военного искусства».⁶⁹ О.

⁶⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – М., 1976. - Т. 2. – С. 317.

⁶⁹ Ziemke E. Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. - Washington, 1986, p. 80 // Армейская историческая серия <https://www.ibiblio.org/hyperwar/USA/USA-EF-Defeat/> .

Цирер пошел в своих выводах ещё дальше, утверждая, что «немецкая армия погибла из-за предательства Гитлера».⁷⁰

Основной ошибкой немецкого командования вермахта считается разделение единой южной группировки на группу армий «А» и группу армий «Б». Первая должна была продвигаться в направлении Кавказа, вторая - в направлении Сталинграда к Волге. Как отмечают зарубежные историки, это ослабило силы вермахта и привело к провалу кавказского наступления и к катастрофе под Сталинградом.

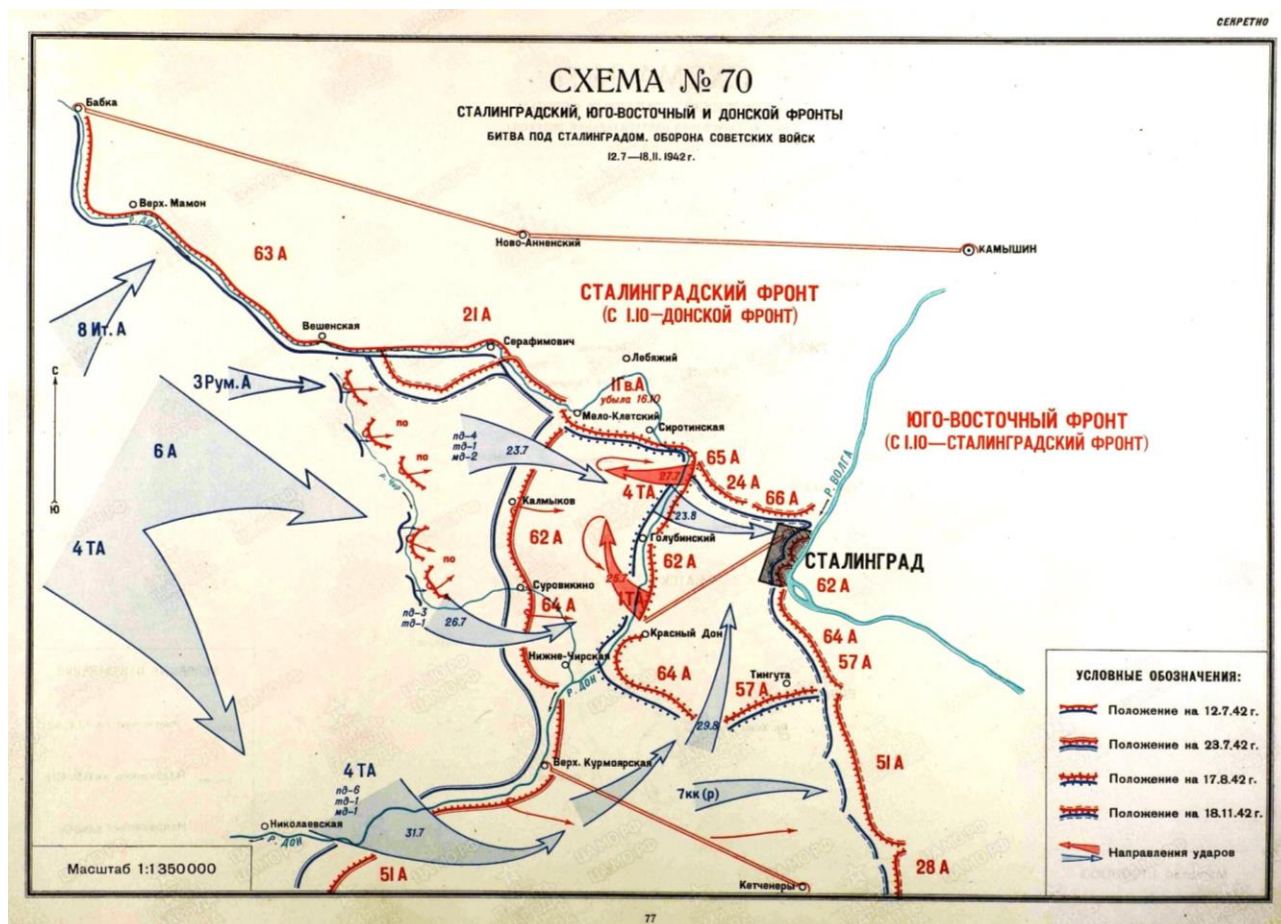
Отметим, что данное разделение сил явилось результатом военной кампании весны 1942 года. За это время силам вермахта удалось нанести ряд серьезных ударов по Красной Армии и достичь важных успехов. Немецкие войска полностью овладели Крымским полуостровом, захватили после длительной обороны Севастополь, нанесли сокрушительное поражение советским войскам в районе Харькова. Всё это привело к существенному ослаблению сил Южного и Юго-Западного фронтов.

Складывалась благоприятная ситуация для мощного, широко развёрнутого наступления противника летом 1942 года. Командование вермахта планировало осуществить окружение и полное уничтожение сил Юго-Западного и Южного фронтов Красной Армии западнее р. Дон, но Советское командование сумело в тяжелых для себя условиях вывести войска из-под массированного удара на Средний Дон и на юг. Именно это и вынудило вермахт, продолжая наступление разделить группу армий «Юг» на две части группу армий «А» и группу армий «Б». Предполагалось, что сил хватит для ведения эффективного наступления сразу в двух направлениях.

Однако командование вермахта переоценило имеющиеся возможности. План окружения и уничтожения советских войск осуществить не удалось. Первым препятствием на пути его реализации стало героическое сопротивление советских войск в районе Воронежа. Противник был задержан, стремительное

⁷⁰ Zierer O. Deutschland: Kleine Geschichte Grosser Nation, Gütersloh, 1976, S.115.

продвижение войск вермахта предотвращено. Наступление оказалось медленным, войска вермахта с трудом продвигались вперед, неся потери. В результате они оказались втянуты в сражение, которое стало для противника некоторой неожиданностью, – сражение за Сталинград.

В то же время советское командование лучше оценило складывающуюся на фронтах ситуацию и разработало серию военных планов, рассчитанных на предотвращение развития военного успеха сил вермахта. Было принято решение перейти к оборонительным боям с целью измотать противника на укрепленных позициях, замедлить его продвижение и подготовить силы для последующего перехода в наступление.

Для успешной работы учащихся, связанной с оценкой складывавшейся на южном направлении ситуации летом 1942 года, учитель предлагает им обратиться к источникам. Это, например, могут быть документы, отражающие развитие военной компании Германии и военных планов Ставки Верховного Главнокомандования СССР и работа с картами.

Второй значимой ошибкой А. Гитлера зарубежные историки В. Зедлицц, У. Крейг, А. Ситон и другие считают приказ от 24 ноября 1942 года об удержании ранее завоеванных позиций 6-й армией вермахта, ставший ответом на телеграмму Паулюса. Они называют этот приказ «смертельным приговором» 6-й армии.⁷¹

РАДИОГРАММА КОМАНДУЮЩЕГО 6-Й АРМИЕЙ ПАУЛЮСА ГИТЛЕРУ от 23 ноября 1942 года

23 ноября 1942 г.

Сов. Секретно

Радиограмма ОКХ

Копия: группе армий «Б»

Мой фюрер!

С момента поступления Вашей радиограммы, переданной вечером 22.11., события развивались стремительно.

Замкнуть котел на юго-западе и западе [противнику] не удалось. Здесь вырисовываются предстоящие вклинения противника.

Боеприпасы и горючее на исходе. Многие батареи и противотанковые орудия израсходовали весь боезапас. Своевременное достаточное снабжение исключено.

Армии в самое ближайшее время грозит уничтожение, если путем концентрации всех сил противнику, наступающему с юга и запада, не будет нанесен уничтожающий удар.

Для этого необходим немедленный отвод всех дивизий из Сталинграда и крупных сил с северного участка фронта. Неотвратимым следствием должен явиться затем прорыв на юго-запад, ибо при таких слабых силах восточный и северный участки фронта удерживать более невозможно.

При этом мы потеряем много материально-технических средств, однако сохраним большинство ценных бойцов и хотя бы часть техники.

В полной мере неся ответственность за это весьма серьезное донесение, докладываю вместе с тем, что командиры корпусов генералы Хайтц, Штреккер, Хубе и Йеннеке оценивают обстановку таким же образом.

Исходя из сложившейся обстановки, еще раз прошу свободы действий.

Хайль мой фюрер!

Паулюс

Передано ОКХ. 23.11., 23.45

⁷¹ см. Seydlitz W. Stalingrad. Konflikt und Konsequenz. Erinnerungen. Oldenburg, 1977

ПРИКАЗ ГИТЛЕРА ПАУЛЮСУ

*Приказ фюрера.
Командующему 6-й армией.*

6-я армия временно окружена русскими войсками. Я намерен сосредоточить армию в районе «Сталинград-Норд» — Котлубань — высота 137 — высота 35 — Мариновка — Цыбенко — «Сталинград-Зюд». Армия может быть убеждена в том, что я сделаю все, для того чтобы соответствующим образом обеспечить ее и своевременно деблокировать. Я знаю храбрую 6-ю армию и ее командующего и уверен, что она выполнит свой долг.

Адольф Гитлер⁷²

Однако, как показывают исследования, этот приказ не был единоличным решением А. Гитлера. Он стал продуктом коллективного решения начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля, начальника штаба оперативного руководства Ф. Йодля, главнокомандующего ВВС Г. Геринга и других.

Кроме того, это решение не было авантюрным. Оно было объективно обусловленным. Отступление 6-й армии с занимаемых позиций являлось целесообразным по двум причинам. Во-первых, оно создавало угрозу группе армий «А», ведущей ожесточенные бои на Кавказе. Во-вторых, имея ограниченные материальные резервы, вырваться из окружения без поддержки извне 6-ая армия практически не имела возможности. И это Гитлер хорошо осознавал. Характерно обсуждение им этого вопроса с начальником штаба сухопутных сил Цейтцлером.

ИЗ ЗАПИСИ ОБСУЖДЕНИЯ ОБСТАНОВКИ В СТАВКЕ ГИТЛЕРА

12 декабря 1942 года

Фюрер: *Я, если смотреть в целом, обдумал вот что, Цейтцлер. Мы ни при каких условиях не можем сдать это [Сталинград]. Вновь захватить его нам уже больше не удастся. Что это означает, мы знаем. Не могу я предпринять и никакой внезапной операции. К сожалению, на этот раз и слишком поздно. Дело пошло бы быстрее, если бы мы не задержа-*

⁷² Jacobsen H.-A.. 1939-1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, S. 357 // <http://militera.lib.ru/memo/german/weltz/16.html>.

лись так долго у Воронежа. Там, пожалуй, можно было проскочить с первого броска. Но вообразить, что удастся сделать это Второй раз, если отступить и бросить там технику, смешно...

Цейтцлер: У нас там огромная масса артиллерии резерва главного командования...

Фюрер: Нам даже не восполнить того, что мы там имеем. Если мы поступимся этим, мы поступимся, собственно, всем смыслом этого похода. Вообразить, что я еще раз дойду досюда, безумие. Сейчас, зимой, мы с нашими силами можем создать отсечную позицию. У противника есть возможность подбрасывать по своей железной дороге. Как только вскроется лед, Волга — к его услугам, и он сможет транспортировать. Он знает, что от этого зависит. Значит, сюда мы уж больше не придем. Потому-то мы и не имеем права уйти отсюда. Да и слишком много для того пролито крови... Но решающее — удержать все это. Только вот надо, конечно, при любых обстоятельствах покончить с этой историей... А поэтому я считал бы правильным первоначально нанести удар с юга на север (деблокирующий удар), чтобы пробить все это и расчленить на части, а уж только тогда продолжить удар на восток. Но все это, разумеется, дело будущего. Прежде всего речь идет о том, чтобы попытаться высвободить для этого силы...

Цейтцлер: Наступят весьма серьезные дни с серьезными событиями.

Фюрер: (...) Что бывают, конечно, ситуации куда более идеальные, чем эта, нам ясно. Но то, что мы отсюда не уйдем, должно стать фанатическим принципом...⁷³

Таким образом, анализ исторических фактов приводит к выводу, что немецкое командование допускало определенные просчёты в планировании военных операций. Однако не они предопределили поражение вермахта под Сталинградом.

Победа в Сталинградской битве стала результатом героических усилий солдат и офицеров, сражавшихся в Сталинграде, и таланта советских военачальников, разработавших и реализовавших военную операцию «Уран». И это — главное, что признается многими зарубежными, и даже реакционными историками. Вот только одна из оценок, данная французским историком армейским генералом Ф. Гамбьезом на страницах парижской газеты «Le Figaro» в 1972 году в статье «Сталинград — величайшая битва всех времен». «Прежде всего следует подчеркнуть тот факт, что фюрер и его генералы во многом недооценили

⁷³ Jacobsen H.-A.. 1939-1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, S. 364 // <http://militera.lib.ru/memo/german/weltz/16.html>.

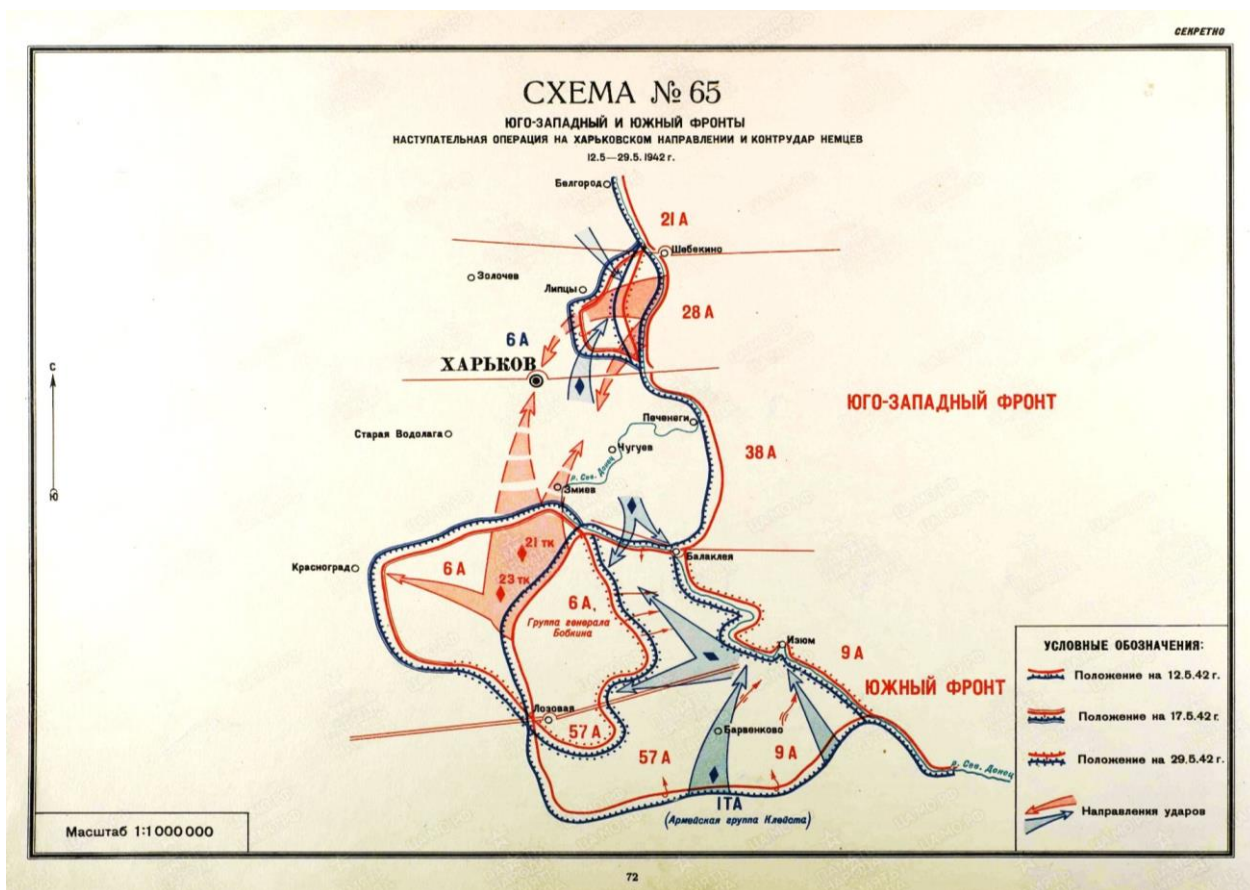
умение советского командования, смелость, упорство и патриотизм бойцов Красной Армии, стойкость, готовность к самопожертвованию и боевой дух граждан, оставшихся в Сталинграде, которые продолжали работать, несмотря на бомбежки и обстрелы, а в случае надобности принимали участие и в боевых действиях... Советская победа – это победа ума, хладнокровия и инициативности советских генералов во всех звеньях... Кроме того, нельзя не учесть того, что в умах людей постоянно жил девиз защитников Сталинграда – «За Волгой для нас земли нет!». Высеченный на стенах, предваряющий монументальный ансамбль, воздвигнутый в Волгограде, этот девиз позволяет судить о крепком патриотическом воспитании солдат Красной Армии, о любви советских людей к своей многострадальной земле, о высоком боевом духе масс»⁷⁴.

Что же касается ошибок, то ошибки в планировании операций совершала и Ставка Верховного главнокомандования Красной Армии. Сегодня этому обстоятельству уделяется много внимания. Особенно пристрасно рассматриваются её просчеты тогда, когда авторы стремятся доказать роковую роль Сталина в руководстве войсковыми операциями и в планировании наступательных ударов.

Не только как оборонительная, но и с практикой нанесения отдельных контрударов на наиболее перспективных в военном плане направлениях советским командованием планировалась весенняя кампания 1942 года. Предусматривалось нанести контрудары под Ленинградом, в направлении Смоленска, в районе Харькова, в Донбассе, Крыму...

Однако исполнение планов оказалось не столь успешным, как предполагалось. Для наступательных действий достаточных сил Красная Армия ещё не имела. Об этом свидетельствовали события под Харьковом, где Южный и Юго-Западный фронты понесли существенные потери, что и позволило вермахту развить инициативу на южном направлении.

⁷⁴ Le Figaro – 1972. – 28 août. Цит. по Цит. по Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне /Под ред. Д.и.н. О.А. Ржешевского. – М.: Военная литература. 1983. – С. 141.

Харьковское наступление советских войск в мае 1942 года вошло в историю под названием «Харьковский котел». Это было серьезное поражение. Согласно статистическим данным генерал-полковника Г. Кривошеева, в ходе этой операции Красная Армия потеряла безвозвратно (убитыми и пропавшими) 170 тысяч человек, ранеными – 106 тысяч. В окружении погибли заместитель командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, командующий 6-й армией генерал-лейтенант А. М. Горднянский, командующий 57-й армией генерал-лейтенант К. П. Подлас, командующий оперативной группой генерал-майор Л. В. Бобкин и другие.

Поражение стало результатом неверной оценки командованием Юго-Западного фронта сложившейся ситуации. Часто в литературе, посвящённой этому событию, на соответствующих страничках сайтов в этом обвиняется, прежде всего, Н.С. Хрущев как член Военного Совета фронта. Да, его роль имела место быть. Однако не следует её преувеличивать. Ответственность лежит и на Ставке, принявшей решение о проведении наступательных операций,

в том числе на харьковском направлении, и на всем командовании Юго-Западного фронта.

Таким образом, фактор эффективности командования военными операциями имел существенное значение в ходе Великой Отечественной войны. Ошибки допускали обе стороны. Они стоили жизни десяткам тысячам людей в шинелях. Однако в целом являлись не тем единственным фактором, определившим ход и исход военных кампаний.

2.3. Как Германия погибла в «коралловых рифах Тихого океана», или роль военных союзников СССР в разгроме агрессора

Писаной истории Великой Отечественной войны присущ ещё один видфальсификаций и ревизий. Он более всего свойственен зарубежной историографии. В его основе лежит идея умаления роли СССР в разгроме агрессора и позиционирование в качестве основного вклада в победу США и Великобритании, и её доминионов.

Характерно, что празднования памятных дат Второй мировой войны нередко проводятся без приглашения России. На научных конференциях, посвящённых войне, в основном рассматриваются события на фронтах Африки, Дальнего Востока, Тихоокеанского региона, где отличились союзники по Антигитлеровской коалиции. Западная литература зачастую представляет дело таким образом, словно СССР и не воевал вовсе.

Вновь обратимся к битве под Москвой. Ряд зарубежных историков полагает, что важную роль в поражении здесь сил вермахта сыграло вступление в войну США после атаки Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. Более того, они считают это событие решающим фактором в победе Антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Г. Солсбери заявляет: «Как раз в момент кризиса, в момент успешного советского контрнаступления на сцену выступил совершенно новый и, вероятно, решающий фактор. 7 декабря японцы атаковали Соединенные Штаты. Отныне США тоже стали воевать»⁷⁵. По мнению М. Макколи, «включение США в борьбу предвещало, что Германия и Япония могут быть побеждены», в то время как битва под Москвой лишь «предоставила Советскому Союзу передышку»⁷⁶. Еще далее идет немецкий историк М. Фройд, заявляя, что нападение Японии на Пёрл-Харбор было «равнозначным концу

⁷⁵ Salisbury H. The Unknown War, 1978. Цит. по Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне. – С. 124.

⁷⁶ Communist Power in Europe: 1944-1949. London, 1977. Цит. по Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Там же. – С. 124.

германской истории», что Германия погибла в «коралловых рифах Тихого океана»⁷⁷.

Однако следует учитывать, что на европейском театре военных действий, где решался исход войны, США по-настоящему проявили себя, только начиная с июня 1944 года. Тогда, когда был открыт Второй фронт. До этого времени войска США в основном вели боевые действия с войсками Японии, частично включались в боевые действия в Африке. Переоценить значимость этих фронтов очень сложно. Они располагались вне пределов собственных территорий стран-участниц и в основном ставили своей целью завоевание колониальных территорий. Вопрос жизни и смерти страны и народа, а также о будущем мира здесь не решался.

Это хорошо становится видно, если рассмотреть статистические данные. Общая численность вооруженных сил США в 1943 г. составляла около 9 млн. человек. Из них за пределами США, т. е. на театрах войны, находилось 3,7 млн., или около 40%, и еще меньше непосредственно участвовало в боевых действиях. Операции американско-английских вооруженных сил в Северной Африке, крупнейшие в 1943 г. для западных союзников, отвлекли на себя не более 6—7% сил фашистской Германии и ее сателлитов. В Западной Европе находилось немногим более 10% боевой авиации США.⁷⁸ Переводим проценты в дивизии и получаем следующую картину противостояния противоборствующих сил на фронтах в Северной Африке, где войскам союзников противостояло 4-5 дивизий вермахта, а на советско-германском фронте Красной Армии противостояло 197 дивизий вермахта.

Факты, однако, не мешают авторам выстраивать теории, согласно которым именно избранные ими сражения внесли решающий вклад в разгром агрессора. Так, в книге военного редактора газеты «Нью-Йорк таймс» Х. Болдуина «Проигранные и выигранные битвы. Великие кампании Второй мировой

⁷⁷ Freund M. Deutsche Geschichte, 1973. Цит. по Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне. – С. 124.

⁷⁸ Ржешевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. - Изд. 2-е, доп и перер. – М: Мысль, 1984. - С. 122.

войны» представлена теория *«решающих битв»*. В последующем она была разрабатывалась в трудах военных историков Запада. К «великим кампаниям» отнесены: сражение в Польше 1939 года, битва за Англию, борьба за о. Крит, оборона американской крепости на о. Коррехидор, бои за атолл Тарава, десантные операции войск союзников в Сицилии и Нормандии, морское сражение в заливе Лейте, сражение в Арденнах, захват японского о. Окинава. Среди них едва не затерялась Сталинградская битва⁷⁹. Другие историки расширяют этот список, однако, приводимые в нём битвы по-прежнему сложно назвать значимыми, тем более, что многие завершились поражением войск США и Великобритании. Из битв, состоявшихся на советско-германском фронте, имевшем решающее значение, упоминается наряду со Сталинградской и Московской битва.

Вниманию историков предлагается и теория *«поворотных пунктов»*. Согласно западногерманскому автору Г. Квинту всего было шесть поворотных пунктов, приведших к гибели фашистскую Германию: отказ Гитлера от операции «Морской лев», битва под Москвой, сражение при Эль-Аламейне, действия англо-американской авиации против Германии, вторжение западных союзников в Северную Африку и в Северную Францию.

По мнению Г.-А. Якобсена и Г. Доллингера, «поворотных пунктов» было семь: морское сражение у о. Мидуэй, бои за о. Гуадалканал, операции английских и американских войск под Эль-Амейном, в Тунисе и Марокко на северо-африканском театре военных действий, пятая фаза битвы за Атлантику и лишь потом победа под Сталинградом.

Французский историк Р. Ремон насчитывает пять «поворотных пунктов»: Эль-Аламейн, прорыв английских войск в Триполитании, высадка англо-американских войск в Северной Африке, Сталинградская битва и морское сражение в Коралловом море.⁸⁰

⁷⁹ Baldwin H. Bateles Lost and Won: Great Campaigns of World War II. New York, 1966. Цит. по Правда и ложь о Второй мировой войне /Под ред. Д.и.н. О.А. Ржешевского. – М.: Военная литература. 1983. – С. 158-159.

⁸⁰ Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне /Под ред. Д.и.н. О.А. Ржешевского. – М.: Военная литература. 1983. – С. 161.

Американские историки Э. Зимке и Дж. Шентон пишут, что победа англо-американских войск в Северной Африке в мае 1943 года была «вторым Сталинградом». Там фашизм потерпел «поражение, равное по своим масштабам Сталинграду»⁸¹.

На объективных позициях находятся немецкие историки. Они рассматривают в качестве основного именно советско-германский фронт и происходившие на нем события как поворотные пункты.

Анализируя построенные на фальсификациях утверждения, учитель отмечает присущую им тенденциозность: речь опять-таки идет о попытках принизить роль СССР в разгроме агрессора. Он также предлагает учащимся провести сравнительно-сопоставительный статистический анализ использованных в боях ресурсов, сил и оценить результативность военных операций. Например, представить сравнительно-сопоставительный анализ Сталинградского сражения и битвы под Эль-Аламейном (Северная Африка) и соответственно сделать вывод об их влиянии на исход войны.

Рассмотрим статистические данные. В 1943 г. 80% войск вермахта были сосредоточены на советско-германском фронте. Очень сильно отличается соотношение сил, вовлечённых в боевые действия.

	Сталинград	Эль-Аламейн (Сев. Африка)
Хронология	11.1942 - 02.1943	23.10. – 4.11. 1942
Участники	Свыше 1 млн. чел.	80 тыс. чел.
Людские потери	800 тыс. чел. только в ходе контрнаступления Красной Армии	55 тыс. чел.
Технические потери	2 тыс. танков и другой техники только в ходе контрнаступления Красной Армии 19.11.1942 - 2.02.1943	300 танков

Операция же под Эль-Аламейном ни по масштабам, ни по результатам не имела и не могла иметь «поворотного» значения в войне. Думается, что Д. Эйзенхауэр был близок к истине, когда расценил победу под Эль-Аламейном как «тактический успех»⁸².

⁸¹ См.: Ziemke E. Stalingrad to Berlin; Shenton J., Jakoubek R. The United States. Boston, 1978

⁸² Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. М, 1980. – С. 158. Цит. по Ржешевский О.А. Указ.соч. – С. 125

Вывод напрашивается сам собой. Он не оставляет места для утверждений о равнозначности сражений на советско-германском фронте и других фронтах в период 1941 - 1945 гг.

Красная Армия перемалывала главные силы вермахта. В войне против Советского Союза немецко-фашистская армия потеряла к 30 июня 1942 г. 1 980 тыс. человек, а к 30 июня 1943 г. — 3 965 тыс.

Здесь же, на советско-германском фронте, уничтожалась основная масса вооружения и боевой техники вермахта. Несмотря на наступление американско-английских войск в Северной Африке, из Западной Европы на Восточный фронт продолжали перебрасываться все новые и новые войска⁸³.

⁸³ Ржешевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. - Изд. 2-е, доп и перер. - М: Мысль, 1984. - С. 152-153.

2.4. Людские и материальные ресурсы как фактор, определяющий победителя

Практически все наиболее значимые сражения Великой Отечественной войны исследователи рассматривают с точки зрения соотношения ресурсов и эффективности их применения. Они предлагают различные интерпретации, сопровождаемые корректировкой данных, изменением оценок исторической значимости той или иной битвы.

Широкий разброс мнений вызвало, например, Прохоровское сражение в июле 1943 года, являющееся одним из эпизодов Курской битвы. Традиционно в энциклопедиях и официальной литературе это сражение представлялось следующим образом.

«12 июля 1943 г. в районе западнее и южнее Прохоровки в ходе Курской битвы произошло крупнейшее в истории Великой Отечественной войны 1941-45 гг. встречное танковое сражение между наступавшей немецко-фашистской танковой группировкой (2-й танковый корпус СС и 3-й танковый корпус, всего около 700 танков и штурмовых орудий) и наносившими контр-удар 5-й гвардейской танковой армией и тремя танковыми и механизированными бригадами (около 800 танков и самоходно-артиллерийских установок, САУ). В ожесточённых боях, длившихся весь день, противник потерял свыше 350 танков и штурмовых орудий, свыше 10 тыс. чел. убитыми и был вынужден перейти к обороне, 5-я гвардейская танковая армия потеряла около 300 танков и САУ. 12 июля наступил перелом в Курской битве, враг перешел к обороне, а 16 июля начал отводить свои силы. Войска Воронежского, а с 19 июля и Степного фронта перешли к преследованию и отбросили немецко-фашистские войска на исходный рубеж»⁸⁴.

Возникновение данной интерпретации Прохоровского сражения относится ко времени правления Н. С. Хрущева, являвшегося участником военных событий на южном фланге Курской дуги в качестве члена Военного совета Воро-

⁸⁴ Большая Советская Энциклопедия. Изд. III. – М.: БСЭ, 1969-78 — Т. 14. // bse.uaio.ru

нежского фронта. Тогда сформировалась ставшая традиционной концепция Прохоровского сражения как битвы одного дня в контексте успешного контрнаступления Красной Армии.

В последующем на фоне этой официальной интерпретации в литературе нашло отражение гиперболизированное прославление Прохоровского сражения. Вплоть до заявлений, что «летом 1943 года здесь [под Прохоровкой] произошло крупнейшее танковое сражение, во многом решившее исход Курской битвы и всей Великой Отечественной войны», что «легендарное Прохоровское поле... поставлено нашей историей в один ряд с полем Куликовым и Бородинским»⁸⁵.

Действительность была несколько иной. Как показывают современные исследования, Прохоровское сражение - более сложный и многофакторный феномен. Его итоги не совсем однозначны. Это создало почву для ревизии итогов и значения Курской битвы.

Для западной историографии стало характерным утверждение о том, что победа была обеспечена превосходящими силами Красной Армии. Например, американский историк Э. Зимке заявляет, что во время боев на Курской дуге десять бойцов Красной Армии приходилось на одного немецкого солдата⁸⁶. По подсчетам другого американского историка Дж. Стоксбери, «русские имели превосходство в людях четыре к одному»⁸⁷.

В отечественной историографии появился тезис о неспособности советского командования эффективно распоряжаться как человеческими, так и материальными ресурсами, дополняемый рассуждениями о недостатках советского вооружения и превосходствах немецкого. Крайний полюс обозначен в работе М. Поликарпова «Крушение «Цитадели». Почему мы проиграли сражение под Прохоровкой, но выиграли Курскую битву?».

Одним из существенных моментов ревизии стал вопрос: «Почему готовясь к операции, концентрируя силы, обеспечивая ресурсное превосходство на

⁸⁵ См.: Бекетов В. П. Сотворение чуда. – М., 1995

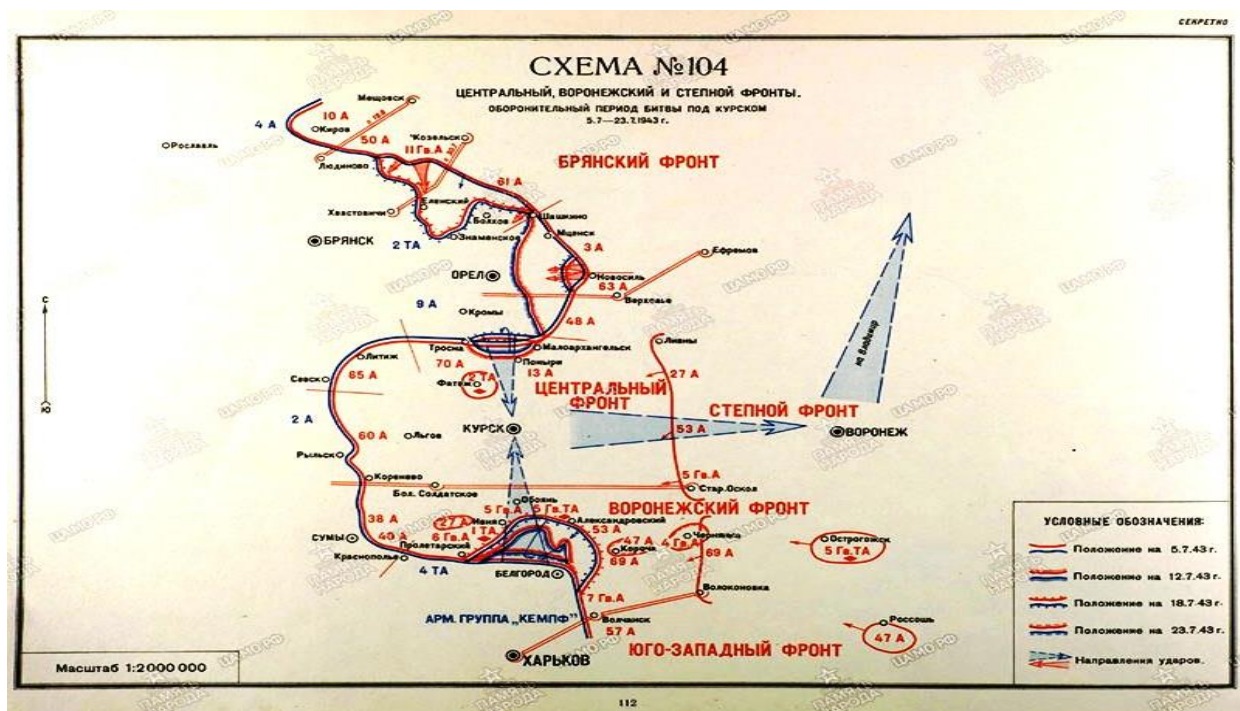
⁸⁶ Ziemke E. Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. - Washington, 1986, p. 141 // Армейская историческая серия <https://www.ibiblio.org/hyperwar/USA/USA-EF-Defeat/>.

⁸⁷ Stokesbury J. A Short History of World War II. – Records Books, 1991. - P. 241.

Курской дуге, советские войска понесли большие потери, численно превосходя силы противника?»

Последние исследования вносят некоторые коррективы в интерпретацию событий Курской битвы в целом и Прохоровского сражения в частности. Среди исследований можно отметить работы Л. Н. Лопуховского «Прохоровка. Без грифа секретности» (М., 2005), В.Н. Замулина «Прохоровка – неизвестное сражение великой войны» (М., 2005).

Итогом стала новая интерпретация Прохоровского сражения, изложенная на официальном сайте Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»⁸⁸, где представлено описание одного из важнейших эпизодов Курской битвы.

Согласно проведенным исследованиям, становятся очевидными два момента. Во-первых, на южном фланге Курской дуги вермахт сконцентрировал самые мощные, прежде всего, механизированные части, которые должны были неотразимым ударом прорвать оборону и устремиться на север. Во-вторых, оборонительные рубежи здесь были менее основательными, что объяснялось просчётом командования с определением приоритета в нанесении ударов про-

⁸⁸ См.: URL: <http://www.prohorovskoe-pole.ru/index.php/history/proh-tank.html>

тивником. Позднее маршал Г. К. Жуков признал, что *«на самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта. <...> Этим в значительной степени и объясняется то, что Центральный фронт легче справился с отражением наступления противника, чем Воронежский»*. И далее: *«<...> по 6-й и 7-й гвардейским армиям Воронежского фронта противник в первый день нанес удар почти пятью корпусами, <...> тогда как по обороне Центрального фронта – тремя корпусами»*⁸⁹. В целом группировка советских войск превосходила своей мощью силы вермахта.

Несмотря на привлечение резервов Воронежским фронтом и попытки нанесения контрударов, противник неожиданно быстро – за первые два дня наступления – сумел преодолеть главную и вторую полосы обороны Воронежского фронта. Существенную роль в этом сыграло использование вермахтом новых технических средств. Среди них были новые танки «Пантера Pz-V» и «Тигр Pz-VI H», новые самоходные установки «Фердинанд», новые самолеты-истребители «Фокке-Вульф-190 А», штурмовики «Хеншель-129» и модернизированные бомбардировщики «Хейнкель-111». И хотя технические новинки были немногочисленны, они сыграли свою определенную роль в ходе Прохоровского сражения. Уже к исходу 6 июля передовой отряд противника вышел к армейскому (тыловому) оборонительному рубежу в районе станции Прохоровка, до которой оставалось 10 км. Возникла угроза оперативного прорыва.

В целом советская оборона устояла. Ценой невероятных усилий и потерь войскам Воронежского фронта удалось сдержать наступательный порыв противника. Гитлеровцы не смогли отсечь Курскую дугу до подхода стратегических резервов Ставки Верховного Главнокомандования.

К этому времени в район наступательного удара Ставка ВГК выдвинула 5-ю гвардейскую дивизию под командованием генерала А. С. Жадова и 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерала П. А. Ротмистрова. Части вермахта, остановленные советскими войсками, изменили направление

⁸⁹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М, 1990.

главного удара. С 10 июля их основные усилия сосредоточились в направлении ст. Прохоровка. В сражении принимали участие танковые дивизии "Лейбштандарт Адольф Гитлер", "Дас Райх" и "Тотенкопф", которые поддерживала авиация.

Советским командованием было принято решение остановить продвижение противниками встречным контрударом. Группировка вермахта была атакована основными силами 5-й гвардейской танковой армии. Бои развернулись сразу на нескольких направлениях. Танковые подразделения сталкивались, наступали, переходили к обороне с переменным успехом. На поле под Прохоровкой завязались настоящие танковые дуэли. Это было противостояние не только тактики, мастерства экипажей, но и самих танков.

Позднее в своем письме Г. К. Жукову командующий 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистров указал на этот факт.

СОВ. СЕКРЕТНО

ЭКЗ. №1

*ПЕРВОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА СССР -
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГОВ. ЖУКОВУ*

В танковых боях и сражениях с 12 июля по 20 августа 1943 года 5 Гвардейская Танковая Армия встретила с исключительно новыми типами танков противника. Больше всего на поле боя было танков Т-V ("Пантера"), в значительном количестве танки Т-VI («Тигр»), а также модернизированные танки Т-III и Т-IV.

Командуя танковыми частями с первых дней Отечественной войны, я вынужден доложить Вам, что наши танки на сегодня потеряли свое превосходство перед танками противника в броне и вооружении.

Вооружение, броня и прицельность огня у немецких танков стали гораздо выше, и только исключительное мужество наших танкистов, большая насыщенность танковых частей артиллерией не дали противнику возможности использовать до конца преимущества своих танков. Наличие мощного вооружения, сильной брони и хороших прицельных приспособлений у немецких танков ставит в явно невыгодное положение наши танки. Сильно снижается эффективность использования наших танков и увеличивается их выход из строя.

Проведенные мною бои летом 1943 года убеждают меня в том, что и теперь мы самостоятельно маневренный танковый бой можем вести успешно, пользуясь отличными маневренными свойствами нашего танка Т-34.

Когда же немцы своими танковыми частями переходят, хотя бы временно, к обороне, то этим самым они лишают нас наших маневренных преимуществ и наоборот начинают в полной мере применять прицельную дальность своих танковых пушек, находясь в тоже время почти в полной недосягаемости от нашего прицельного танкового огня.

Таким образом, при столкновении с перешедшими к обороне немецкими танковыми частями мы, как общее правило, несем огромные потери в танках и успеха не имеем.

Немцы, противопоставив нашим танкам Т-34 и КВ свои танки Т-V («Пантера») и Т-VI («Тигр»), уже не испытывают былой танкобоязни на полях сражений. Танки Т-70 просто нельзя стало допускать к танковому бою, так как они более чем легко уничтожаются огнем немецких танков.

Приходится с горечью констатировать, что наша танковая техника, если не считать введение на вооружение самоходных установок СУ-122 и СУ-152, за годы войны не дала ничего нового, а имевшие место недочеты на танках первого выпуска, как-то: несовершенство трансмиссионной группы (главный фрикцион, коробка перемены передач и бортовые фрикционы), крайне медленный и неравномерный поворот башни, исключительно плохая видимость и теснота размещения экипажа, остаются не полностью устраненными и на сегодня.

Если наша авиация за годы Отечественной войны по своим тактико-техническим данным неуклонно идет вперед, давая все новые и новые более совершенные самолеты, то, к сожалению, этого нельзя сказать про наши танки.

Ныне танки Т-34 и КВ потеряли первое место, которое они по праву имели среди танков воюющих стран в первые дни войны.

Еще в декабре месяце 1941 года мною была захвачена секретная инструкция немецкого командования, которая была написана на основе проведенных немцами полигонных испытаний наших танков КВ и Т-34.

Как результат этих испытаний, в инструкции было написано, примерно, следующее: немецкие танки вести танкового боя с русскими танками КВ и Т-34 не могут и должны танкового боя избегать. При встрече с русскими танками рекомендовалось прикрываться артиллерией и переносить действия танковых частей на другой участок фронта.

И, действительно, если вспомнить наши танковые бои 1941 и 1942 гг., то можно утверждать, что немцы обычно и не вступали с нами в бой без помощи других родов войск,

а если и вступали, то при многократном превосходстве в числе своих танков, чего им было не трудно достичь в 1941 г. и в 1942 году.

На базе нашего танка Т-34 - лучшего танка в мире к началу войны, немцы в 1943 г. сумели дать еще более усовершенствованный танк Т-V ("Пантера"), который по сути дела является копией нашего танка Т-3, по своим качествам стоит значительно выше танка Т-34 и, в особенности по качеству вооружения.

Для характеристики и сравнения наших и немецких танков привожу следующую таблицу:

<i>Марка танка и СУ</i>	<i>Броня носа в мм.</i>	<i>Лоб башни и кормы</i>	<i>Борт</i>	<i>Корма</i>	<i>Крыша, днище</i>	<i>Калибр пушки в мм.</i>	<i>Кол. снарядов.</i>	<i>Скорость макс.</i>
<i>Т-34</i>	<i>45</i>	<i>95-75</i>	<i>45</i>	<i>40</i>	<i>20-15</i>	<i>76</i>	<i>100</i>	<i>55,0</i>
<i>Т-1</i>	<i>90-75</i>	<i>90-45</i>	<i>40</i>	<i>40</i>	<i>15</i>	<i>75х)</i>		
<i>КВ-1С</i>	<i>75-69</i>	<i>82</i>	<i>60</i>	<i>60</i>	<i>30-30</i>	<i>76</i>	<i>102</i>	<i>43,0</i>
<i>Т-VI</i>	<i>100</i>	<i>82-100</i>	<i>82</i>	<i>82</i>	<i>28-28</i>	<i>88</i>	<i>86</i>	<i>44,0</i>
<i>СУ-152</i>	<i>70</i>	<i>70-60</i>	<i>60</i>	<i>60</i>	<i>30-30</i>	<i>152</i>	<i>20</i>	<i>43,0</i>
<i>Фердинанд</i>	<i>200</i>		<i>160</i>	<i>85</i>		<i>88</i>		<i>20,0</i>

х) Ствол 75 мм орудия в 1,5 раза длиннее ствола нашего 76 мм орудия и снаряд обладает значительно большей начальной скоростью.

Я, как ярый патриот танковых войск, прошу Вас, товарищ маршал Советского Союза, сломать консерватизм и зазнайство наших танковых конструкторов и производителей и со всей остротой поставить вопрос о массовом выпуске уже к зиме 1943 г. новых танков, превосходящих по своим боевым качествам и конструктивному оформлению ныне существующие типы немецких танков. Кроме того, прошу резко улучшить оснащение танковых частей эвакуационными средствами.

Противник все свои подбитые танки, как правило, эвакуирует, а наши танкисты этой возможности зачастую лишены, в результате чего мы много теряем на этом в сроках восстановления танков. Одновременно, в тех случаях, когда поле танковых боев на некоторый период остается за противником, наши ремонтники взамен своих подбитых танков находят бесформенные груды металла, так как в этом году противник, оставляя поле боя, все наши подбитые танки взрывает.

*Командующий войсками 5 гвардейской танковой армии
гвардии генерал-лейтенант танковых войск - (Ротмистров) Подпись.*

*«20» августа 1943 г.
Действующая Армия.*

К вечеру 12 июля немецкому командованию стало ясно, что фронтальное наступление на Прохоровку не удалось. Не удалось развить и контрнаступление Воронежского фронта. Столкновение войск во встречных контрударах не обеспечило стратегической инициативы ни одной из сторон. Советские танки оказались более маневренными и быстрыми, выигрывая в движении по полю сражения. Немецкие новые танки были оснащены более мощными огневыми средствами и могли вести огонь на поражение с дальних расстояний, расстреливая советские танки на дальних подступах. Всё же советским войскам удалось сдержать наступательный пыл вермахта. Сделано это было ценой больших потерь.

13 – 16 июля в районе Прохоровского направления продолжались ожесточенные бои. 17 июля, признав свою неудачу, командование вермахта отдало приказ об отводе главных сил из района Прохоровки. Войска Воронежского и Степного фронтов перешли к преследованию и к 23 июля отбросили противника на рубеж, занимаемый им до начала наступательной операции.

Реконструируя ход Прохоровского сражения и в целом Курской битвы, не лишним будет предложить учащимся для полноценного раскрытия картины боев проработать документальные источники и литературу. Среди документальных источников можно использовать карты сражений, демонстрирующие силы, привлечённые к сражениям; таблицы, содержащие информацию о человеческих и материальных ресурсах, вовлечённых в сражения, таблицы, содержащие информацию о потерях; схемы-таблицы, представляющие характеристики вооружений, использованных в сражениях. Это позволит совместно с учащимися провести сравнительно-сопоставительную оценку ресурсов, задействованных в сражениях, эффективности их применения для достижения целей, намеченных в рамках военных операций.

Как показывает история, новейшая техника, количественное превосходство не являются единственным залогом успеха военной операции. Многие за-

висит от оперативного командования, умения быстро перегруппировывать силы, от мужества сражающихся.

Это признают, в том числе и зарубежные историки. Например, М. Кэйдin, подводя итоги битвы под Курском, отмечает, что это был «разгром, катастрофа невообразимых размеров», что в ходе наступления Красная Армия «сломила хребет более чем 100 немецко-фашистским дивизиям». Намекая на свое несогласие с отрицающими этот факт битвыми гитлеровскими генералами, автор не без сарказма замечает: «Они будут рассказывать вам о блестящих арьергардных боях, но не признают, что эти бои означают не победу, а поражение... Значение Курской битвы состоит в следующем: когда раздался последний выстрел, движущие силы войны находились под контролем русской армии, и теперь уже она диктовала, когда, где и как эту войну вести...»⁹⁰.

⁹⁰ Caidin M. The Tigers are Burning . New York, 1974, p.26. Цит. по Ржешевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. - Изд. 2-е, доп и перер. – М: Мысль, С. 209.

2.5. Человеческие потери в войне как индикатор цены Победы

До сих пор предметом дискуссий остаются вопросы о потерях, понесённых Советским Союзом в Великой Отечественной войне. Это касается как военных потерь, так и потерь гражданских лиц – на оккупированных территориях, в концентрационных лагерях, на работах в Германии. Причина - сохранение грифа «Секретно» на соответствующих документах, а также изначально искажённая информация о погибших. В итоге существует очень много разночтений, порождающих фальсификации...

Со времен И. В. Сталина официальной цифрой потерь считались данные, оглашенные главой советского правительства в марте 1946 года. В интервью корреспонденту газеты «Правда» им было заявлено: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу – около семи миллионов человек»⁹¹.

Во времена Н. С. Хрущева в оборот была введена новая цифра. Она была указана в письме действующего главы советского правительства премьер-министру Швеции. «Германские милитаристы, - отмечалось в нём, - развязали войну против Советского Союза, которая унесла два десятка миллионов жизней советских людей»⁹².

Во времена Л. И. Брежнева количественные показатели потерь вновь были скорректированы. В вышедшей в мае 1965 года установочной брошюре по случаю двадцатилетия победы в Великой Отечественной войне содержалась фраза: «Война унесла более двадцати миллионов жизней советских людей»⁹³.

Эпоха перестройки тоже внесла свой вклад в изменение статистики потерь. Так, М. С. Горбачев на торжественном собрании, посвящённом 45-летию

⁹¹ Правда, 1946, 14 марта.

⁹² Письмо Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева премьер-министру Швеции Т. Эрландеру (5 ноября 1961 г.) // Международная жизнь. 1961, № 12. С. 8.

⁹³ Брежнев Л. И. Великая победа советского народа. – М., 1965.

победы советского народа в Великой Отечественной войне, назвал цифру 27 млн.⁹⁴, министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе – 26 млн.⁹⁵.

Наиболее полно вопросом статистики потерь занималась группа военных историков во главе с генерал-полковником Г. Кривошеевым. Ею опубликована монография «Гриф секретности снят», где была представлена цифра армейских потерь – 8 668 400 человек. На данный момент в большинстве справочной литературы указана именно она. Однако в неё не включены 500 тыс. военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в списки частей и соединений и оказавшихся в плену, а также не учтены погибшие ополченцы Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных городов.

Несколько иную статистику приводит С. Максудов (Гарвардский университет, США), опирающийся на итоги переписи населения СССР 1939 года и 1959 года, а также на исследования зарубежных демографов. Впервые результаты своих исследований С. Максудов опубликовал в 1977 году в Париже, в нашей стране - в 1993 году в статье «О фронтовых потерях Советской Армии в годы Второй мировой войны»⁹⁶. Его расчеты потерь Советской Армии сделаны, исходя из предположения о максимальном использовании всех людских ресурсов, бывших в распоряжении советского правительства. В результате он получил цифру потерь Советской Армии в Великой Отечественной войне - 7,8 млн. человек.

Однако столь «незначительные» цифры устраивают не всех. Есть и те кто, стремясь доказать преступность сталинского режима, использует для этого все аргументы, в том числе и ссылку на непомерные потери советского народа в войне.

В 1990 - 2000 годы в отечественной печати появились публикации с данными о потерях, которые сильно отличались от принятых в исторической науке. Среди них авторов - доктор филологических наук Б. В. Соколов. В своих

⁹⁴ Известия, 1990, 9 мая.

⁹⁵ Правда, 1990, 3 февраля.

⁹⁶ См.: Свободная мысль. - 1993. - № 10.

трудах он приводит фантастические цифры. В книге «Цена Победы» (1990) указана цифра 14,7 млн. павших советских воинов, а в статье «Цена потерь – цена системы» (1993) автор довел потери Красной Армии до 26,4 млн. человек.

Данные Б. В. Соколова затем были воспроизведены во многих изданиях и СМИ, в фильме НТВ «Победа. Одна на всех», интервью и выступлениях писателя Виктора Астафьева, книге И. В. Бестужева-Лады «Россия накануне XXI века». Так в массовое сознание внедряется еще одна фальсификация по истории Великой Отечественной войны.

О том, что это именно фальсификация, убедительно показывает в своей статье «К науке отношения не имеет. О «подсчетах» боевых потерь в ходе Великой Отечественной войны доктора филологии Бориса Соколова» В. Литвиненко. Статья опубликована в научно-просветительском журнале «Скепсис»⁹⁷. Она пополнит информационную, методическую копилку учителя истории.

⁹⁷ См.: URL: http://scepsis.net/library/id_1221.html

3. Социокультурное пространство памяти о Великой Победе: культурные коды Победителей и потомков Победителей

Время, разделившееся в 1945 году на довоенное, военное и послевоенное, навсегда породило в сознании людей вопросы, на которые невозможно найти рациональные ответы. Слова «до войны», «в годы войны», «после войны» прочно вошли в обиходную речь, превратившись в своего рода устойчивые выражения, отразившие целые исторические эпохи. В их рамках сформировались духовно-нравственные коды, при помощи которых можно проследить и преемственность межпоколенной памяти, и проявленность эмоциональных состояний в контексте повседневных отношений.

Данный компонент общественного сознания, не поддающийся строгому логическому анализу, эффективнее реализуется средствами художественно-эстетической презентации. Этот способ выражения потребности апеллировать к общезначимым, признаваемым всеми, авторитетным ценностным установкам для упрочнения внутрисоциальных связей стал основным для нескольких поколений российских граждан.

Однако, несмотря на абсолютное признание всеми общественными слоями и государством Победы в Великой Отечественной войне как основополагающего фактора структурирования российской гражданской идентичности, нельзя сказать, что у войны сложился единый образ массового восприятия. Речь идёт не об официальной символической, которая присутствует на мемориальных мероприятиях и памятниках, а о том, с чем символизируется Победа (и эта война в целом) в памяти каждого человека. Такая постановка вопроса на наш взгляд правомерна, исходя из тезиса, что в России нет ни одной семьи, чьи предки не участвовали бы в Великой Отечественной войне в той или иной форме. Поэтому символов много, может быть даже столько же, сколько было жертв той войны. Все они в различных формах присутствуют в общественном сознании, но среди них можно выделить те, которые считаются общепризнанными и атрибутируются безошибочно.

Память о войне началась ещё до её окончания. Эта память выражалась во многих произведениях искусства, которые появлялись в годы войны. Их авторы, помимо того, что они являлись художниками (в широком смысле слова), были ещё и её непосредственными участниками, либо очевидцами. За прошедшие с окончания Великой Отечественной войны десятилетия военная тематика заняла своё собственное место в массовой культуре, сформировав уникальный художественно-этический этос. Независимо от жанровой специфики, изобразительных средств и детерминированности появления различных культурных артефактов, в них с той или иной степенью представлен и лирический, и драматический, и трагический, и, конечно же, героический пафос войны.

Однако, учитывая количество всех известных нам литературных, музыкальных, пластических и других произведений на военную тематику, необходимо определить круг объектов исследования, исходя из поставленной цели. Мы постарались выделить самые значительные объекты социокультурного пространства поствоенного времени, которые таковыми стали в силу объективных обстоятельств, то есть заслужили именно народное признание, а не «предписанную любовь» по специальному строго-настойчивому завету чего-либо или кого-либо.

Если отталкиваться от определения понятия массовая культура, то ключевым содержанием её является доступность (и с точки зрения восприятия, и с точки зрения досягаемости) для широких масс населения. Двадцатый век стал веком четвёртой информационной революции, породившей средства массовой информации, которые вскоре перестали быть лишь средствами, а стали полноценными субъектами социального развития. Это изменило характер взаимоотношений общество-культура, когда теперь уже не только общество влияет на содержание культуры (размещает социальный заказ), но и культура определяет развитие различных социальных институтов, формирует личностное культурное пространство. Как это происходит можно понять, обратившись к самим произведениям.

Опять-таки, в силу стоящей перед нами задачи, нет необходимости обобщать все имеющиеся значительные произведения искусства, ставшие непременным атрибутом памяти о войне в массовой культуре. Самые яркие из этих произведений (как у нас в стране, так и в мире в целом) не раз становились объектами исследований, в которых выводятся «коллективные образы» прошедшей войны. Среди них обращает на себя внимание пьеса Евгения Шварца «Дракон», написанная им в 1943 году, в самый разгар войны. Эта «сказка», равно как и остальные его произведения, весьма точно и злободневно даёт срез тех социально-психологических состояний, превалирующих в военное время.

«Дракон» самая пронзительная пьеса Шварца, которая изначально погружает читателя/зрителя в ошеломляющую своей животрепещущностью реальность происходящего, включенной в сюжетную канву. Не вдаваясь в анализ принципов художественной реализации основной мысли пьесы, скажем лишь, что мастер сумел достичь своей цели – разбудить разум и душу читателя, чтобы тот смог сам найти для себя ответы, на поставленные в пьесе вопросы. И пусть зритель впервые увидел постановку этой «сказки» только в 1960-е годы (в 1944 пьесу официально запретили – «А о германском ли фашизме она?» - усомнился кое-кто из цензоров), а в массовую культуру она прочно вошла лишь после экранизации её Марком Захаровым аж в 1988 году, значимость её как пример непосредственной рецепции этоса Великой Отечественной войны огромна.

Да, гениальные произведения это всегда произведения обо всём сразу, а не только о чём-то одном. Но это и есть свидетельство в пользу того факта, что отрефлексированное восприятие Великой Отечественной войны в глазах её живых свидетелей приводит к пониманию её всемирно-исторического, цивилизационного, экзистенциального характера. Вневременное значение этой войны подчёркивается ещё и тем, что Шварц сумел развернуть «лицо войны» как бы внутрь индивида, показав его включённость в этот цивилизационный процесс, а не ограничиться созерцательной отрешённостью от происходящего. Война – это «не где-то там далеко», а в голове и душе каждого.

Не случайно, в развязке пьесы Ланцелот осознаёт, что недостаточно победить одного Дракона, нужно проделать огромную работу по искоренению дракона внутри каждого, кто его пригрел. Опрокидывая эту аллегория на окружающую реальность, можно понять, что тем самым автор даёт ответ на вопрос о причинах популяризации фашистской идеологии в немецком обществе и о способе её уничтожения – не физического устранения её носителей, а морального освобождения от этой заразы внутри социума.

Кроме того, ещё один смысловой посыл обнаруживается в том, что данная чума оказалась очень заразной и её инфицирующее действие распространяется на всех. В этом послы заключена аллюзия к довольно широко распространённому в годы войны представлению о засилии вражеских шпионов, диверсантов, предателей и т.д. Логика военного времени обосновывала опасность «удара в спину» и потому все превентивные меры против этой проблемы были оправданными. Но здесь автор выводит и другой аспект данного вопроса, показывая массовый характер распространения этой «инфекции», о которой даже не подозревают. То есть как бы «добросовестное заблуждение», неосознанное восприятие вражеских установок, в чём кроется гораздо большая опасность, чем очевидный враг на поле боя. Тем самым можно сказать, что Шварц подметил и отрефлектировал сложившийся в массовом сознании концепт, который был подхвачен властью и оформлен в виде плакатных лозунгов, нацеленных на консолидацию советского общества в борьбе с фашистской агрессией, как явной, так и латентной. Этот призыв к всеобщему единению запечатлён в песнях, кинофильмах, публицистической и художественной литературе военных лет.

Ещё один пример - роман Томаса Манна «Доктор Фауст», который наряду с «Драконом» Шварца, входит в число значительных антифашистских произведений мировой литературы и успешно решает задачу разоблачения ужасов войны и фашизма.

Так же, как и пьеса Шварца, роман Манна это многогранное произведение, в котором исследование демонической природы художественного гения

переплетается с политической аллегорией скатывания Германии к фашистской диктатуре и мировой войне. Находясь в эмиграции, в США, Манн мог бы вполне однозначно и недвусмысленно изложить своё отношение к фашизму в виде яркого памфлета (вроде доклада «Германия и немцы», прочитанного им в библиотеке Конгресса в 1945 году), однако в начатом им в мае 1943 года романе, он поднимает такие пласты исторической памяти, которые уже никак не позволяют ему дистанцировать себя от ответственности, которую он разделит после 8 мая 1945 года со своим народом.

Поэтому свои мысли он облачает в уже существующий в культуре образ гётевского «Фауста» (эту драму часто называют единственным наиболее значимым произведением в немецком литературном каноне), который призван служить метафорой падения духа немецкой нации. Но то достигнутое прежде величие духа стало возможным только благодаря ядовитому алхимическому эксперименту. Пакт с дьяволом сумасшедшего композитора Адриана Леверкюна, идентифицируемого автором как доктор Фауст (кстати, в переводе с немецкого означающий «кулак», подобно итальянскому слову *fascia* – «пучок», то есть образно связанные воедино отдельные пруты для усиления действия), который для того время являлся воплощением немецкой души, продавшейся за «ужасное сокровище». Это «сокровище», ставшее воплощением самой сути чаяний фашистов, получено ими от самого дьявола, а значит, служит олицетворением абсолютного зла. «Ты будешь править, ты начертишь путь грядущему, юноши будут клясться твоим именем, и им, благодаря твоему безумию, не нужно будет сходить с ума... Ты понимаешь? Это не только позволит тебе преодолеть трудности эпохи, которые покажутся тебе смехотворными – ты прорвёшься через саму эпоху, саму культуру и осмелишься на варварство, двойное варварство. Потому что после каждой интеллектуальной революции эпоха варварства сменяет собой эпоху гуманизма» – так увещевает дьявол Леверкюна.

Мысль эта, действительно, глубинна, но в то же время чётко фиксирует конкретные действия фашистского режима по осуществлению своей програм-

мы. Подобно встрече с сатаной в романе «Братья Карамазовы» Достоевского (влияние которого на Манна заметно), читатель не узнает, является ли диалог реальным или просто фантазмагорическим следствием бреда композитора. Но данный вопрос не принципиален. Аллегорический характер романа подавляет реализм, его персонажи говорят и действуют с подчеркнутой символичностью, репрезентируются не столько как личности, сколько как культурные архетипы.

Это верно более всего для самого композитора, чьи творческие достижения символизируют слияние гения с безумием, которое оставалось извечной темой в творчестве Манна. И здесь, оставаясь приверженным своей позиции, он не отрицает подобной метаморфозы внутри немецкого общества, но лелеет надежду, что оно само способно преодолеть ту катастрофу, в которую позволило себя сорвать.

В послевоенной литературе, особенно в публицистической, впервые были поставлены новые фундаментальные проблемы человечества: недопустимость геноцида (массовых убийств по национальному признаку), ограничение применения оружия массового поражения (после Хиросимы и Нагасаки), утверждение примата ненасильственных способов разрешения конфликтов и другие, благодаря чему впоследствии эти установки стали нормами международного права.

Однако тогда они уже составляли суть новых философских идей, закрепившихся в науке под названием «философия жизни». Обнародованные в ходе Нюрнбергского процесса факты ужасающего расчеловечивания в нацистских концлагерях, заставили переосмыслить базовые, общечеловеческие ценности, включая концепцию бога как высшего духовно-нравственного идеала.

Для Ханса Йонаса, например, после открывшихся ужасов Освенцима со всей очевидностью встала необходимость пересмотра всех тех экзистенциальных ценностей, которые традиционно именовались как божественно ниспосланные, чтобы не отказаться от самого Бога. «После Освенцима мы можем с большей силой утверждать, чем когда-либо прежде, что о всемогущем боже-

стве должно быть сказано либо нехорошо, либо... совершенно ничего», - писал Йонас в одной из своих значительных работ.⁹⁸ Как бы не прозвучала богоборчески данная мысль, но, действительно, многие узники в застенках концлагерей прошли все стадии отчаяния в мольбах о спасении, но, так и не осознав в чём суть всемогущества Бога, умерли в муках.

«Принимая во внимание чудовищность того, что среди носителей его образа в его же творениях некоторые из них время от времени сталкиваются с совершенно невинными жертвами, иногда можно было бы ожидать, что добрый Бог однажды нарушит свое собственное, хотя и жёсткое, правило невмешательства в мирскую суету и снизойдёт со спасительным чудом», - продолжает Йонас эту тяжёлую для себя мысль, но осознаёт при этом важность её оглашения.

Ещё более пронзительно звучит она в автографе одного из заключённых Маутхаузена, ставшим сегодня афоризмом: «если Бог есть, то ему придётся умолять меня о прощении». Тот, кто сделал эту запись, был уверен, что он лично не виновен и страдает не заслуженно. Хотя так ли это?

Многие скажут, в том числе и священники, что Бог дал людям свободу воли, и это их ответственность как они ею распоряжаются. Бог дал людям свободу выбора, и это их ответственность какой путь они избирают, кем становятся: палачами, жертвами, спасителями.

Да, в течение тех лет, когда свирепствовал «Освенцим», Бог молчал. Молчал потому что говорили пушки в борьбе добра и зла, в ожидании чуда спасения. И это чудо – пришло. Пришло в образе обычных советских солдат, которые не смогли не остановиться здесь, преследуя бегущих от неминуемого наказания мучителей, остановились, чтобы помочь, накормить, спасти – даже когда ничего не осталось...

Приметой нашего времени стала идея о том, что Вторая мировая война и Холокост поставили перед человеческим сознанием особый вызов, требующий его рационализации в формально-логических категориях, а также историческо-

⁹⁸ Jonas Hans. Der Gottesbegriff nach Auschwitz: eine jüdische Stimme. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1987. S. 140.

го и морального осуждения тех событий. Попытки сделать это с самого начала (точнее с окончания войны) ведутся перманентно. Уже 8 августа 1945 года французский писатель Альбер Камю опубликовал в своём собственном журнале «Сопротивление» статью под названием «Бой», в котором он писал, что «современная технологическая цивилизация только что достигла своей окончательной степени дикости».

Конечно, возмущение Камю, которое закончилось резким утверждением, что человечество должно «окончательно выбрать между адом и разумом» было безрезультатным – Нагасаки бомбили уже на следующий день. Два месяца спустя коллега Камю Жан-Поль Сартр опубликовал эссе под названием «Конец войны» в журнале «Современность» (октябрь 1945 г.), в котором он заявляет, что ядерная бомба резко изменила отношения между человечеством и природой: «человека больше не существует», – писал Сартр. Человеческое сообщество, сделавшее себя хранителем и заложником атомной бомбы, стало выше царства природы, но только лишь потому, что оно теперь несёт ответственность за судьбу всего живого.

Это беспрецедентное по своим масштабам разрушение только усилило впечатление подлинно глобальной катастрофы. Мысль о том, что такого уровня катастрофа может произойти в любой момент, в самом сердце европейской цивилизации (ещё свежи были в памяти разрушительные последствия массированных и бессмысленных по сути бомбардировок немецких городов в конце войны) ввергли европейских интеллектуалов в размышления о состоятельности их моделей развития человеческой цивилизации.

Этот категорический вывод о направлении развития исторического процесса стал в дальнейшем постоянной темой философских изысканий, в ходе которых даже выработался так называемый «отсутствующий дискурс», когда снятие (отмена) вопроса и есть его решение. Некоторые философы утверждали, что сам поиск смысла в истории заключается в попытках втиснуть теологические концепции в реальные человеческие деяния. Именно такое разночтение

между понятиями «искупительной» и «мировой» историей породило то самое «эсхатологическое зло двадцатого века».⁹⁹ Наиболее проникательные и смелые из европейских интеллектуалов сопротивлялись искушению видеть в глобальной катастрофе радикальный отход от своих цивилизационных моделей, и вместо этого они пытались восстановить силовые линии культурной и социальной преемственности, которые связали военную и послевоенную Европу в единую последовательность эпох. Призраки той катастрофы ещё не раз в XX веке являлись то здесь, то там. И если литература отрефлексовала память о войне, то по-настоящему массовой эта рефлексия стала благодаря «важнейшему из всех искусств» – кинематографу.

Десятилетия, последовавшие сразу после Второй мировой войны, стали временем для осмысления судьбы всего человечества, когда послевоенные общества пытались смириться с прошлым, вспоминая войну таким образом, чтобы оправдать жертвы военного времени и представить своё видение настоящего, ссылаясь на итоги той войны. По крайней мере, до 1960-х годов национальные кинематографы ряда европейских стран могли довольно независимо от устоявшихся стереотипов доводить до зрителя в образном выражении «трудные вопросы» войны. Фильмы итальянских неореалистов 1940-х годов, например, служат иллюстрацией национального опыта в формировании памяти культуры и взаимосвязи между послевоенным обществом, его гражданами и производными культурными явлениями. Непосредственно после войны, когда Италия реидентифицировала себя как европейская демократия, кинематограф предоставил «мощный и популистский контраргумент принудительному и гомогенизирующему видению национализма при фашизме».¹⁰⁰ Такие фильмы, как «Рим: открытый город» (Росселлини, 1945) и «Похитители велосипедов» (де Сика, 1948), отказались от монументальных и эпических картин итальянского кинопроизводства при Муссолини, вместо этого сосредоточили внимание на соци-

⁹⁹ См. Blanchot Maurice. *L'Écriture du désastre*. Gallimard, 1980, p. 19.

¹⁰⁰ Brent J. Piepergerdes. 'Re-envisaging the Nation: Film Neorealism and the Post-War Italian Condition' // *ACME: An International E-Journal for Critical Geographies*. № 6 (2007), p. 233.

альной несправедливости, на трудной повседневности, сменившей эйфорию ожиданий от окончания войны, на безрезультатных попытках отбросить тяжкие воспоминания, мешающие жить дальше, препарировав эти темы артистически, через условности документального реализма. Неореализм процветал в период политических пертурбаций послевоенных лет, поскольку партии, которые были запрещены в фашистской Италии, боролись за поддержку населения и возрождение парламентаризма. После успеха христианских демократов на выборах 1948 года и принятия новой итальянской конституции в том же году, неореализм потерял свою актуальность, поскольку лежащее в его основе представление о глубоко укоренившихся разногласиях и социальной несправедливости стало все более неуместным для нации, которая считала себя модернизирующейся, демократической и процветающей.

Военные фильмы, снятые в 1950-х годах в Великобритании и СССР, не менее прочно связаны с политическим и культурным ландшафтом, в котором они производились и потреблялись. Демонстрируя своё видение войны зрителям, которые пока ещё имели собственные, индивидуальные воспоминания об этих событиях, кинематографисты отвечали запросам общества, которое стремилось выработать определённое понимание войны, в соответствии со своим собственным, коллективным опытом и задачам пропаганды. Самые кассовые британские фильмы пятидесятых годов (такие, как «Жестокое море» (1953), «Разрушители плотин» (1955) и «Достичь неба» (1956)) представляли военную пору в основном с точки зрения опыта боевых сражений, отдавая предпочтение индивидуальному героическому пафосу мужественности, при этом отводя женщинам, главнокомандующим и движениям сопротивления вспомогательную роль. Эти фильмы были частью того, что некоторые киноведы определяли как «культуру развлечения войны»¹⁰¹ в широком смысле, наряду с романами, автобиографиями и комиксами, которые пересказывают истории о том, как мальчишки, «играли в войнушку», обеспечивая вхождение героических образов

¹⁰¹ Graham Dawson. *Soldier Heroes: British Adventure, Empire and the Imagining of Masculinity*. London: Routledge, 1994, p. 233

войны в пространство массовой культуры. В этом ракурсе война представлялась как опасное приключение, благодаря которому мальчик мог стать мужчиной, облачившись в военную форму.

Учитывая центральное место кино в советской массовой культуре, неудивительно, что оно стало ключевым средством, с помощью которого модель восприятия войны была доведена до каждого советского человека. В отличие от Британии или Италии, кинорежиссёры в Советском Союзе работали непосредственно по заказу государства, но, как и в тех странах, фильмы, произведённые послевоенные годы, заметно отличались от фильмов, снятых в годы войны. Пока ещё враг не был побеждён, большинство кинофильмов были сфокусированы на военном столкновении: сорок девять из семидесяти названий фильмов, выпущенных в период с 1941 по 1945 год, красноречиво свидетельствуют об этом.¹⁰² Фильмы военного времени, такие как «Она защищает Родину» (1943), отразили опыт вражеской оккупации и катастрофических последствий этого, показывая, как мирные граждане становятся партизанами, решительными и беспощадными в своей борьбе с фашистскими захватчиками. В этих фильмах наряду с образом воина-защитника появляется образ мужественной женщины, часто символизировавший Родину-мать. Такие киноленты, как «Зоя» (1944) и «Человек № 217» (1945) создают архетип женщин-героев, которые демонстрируют невероятное мужество и доблесть, равно как и героиня «Радуги» (1943), олицетворение самой женственности (мать грудного малыша), но, несмотря на это, вставшая на тропу партизанской борьбы. Воспевая моральную силу и физическую стойкость, советские фильмы военного времени демонстрировали единство нации, где каждый сыграл свою роль в разгроме врага.

Однако после Победы героизм советских воинов, партизан, тружеников тыла был воплощён в едином образе лидера страны – личности Сталина. Яркими примерами этого являются кинофильмы «Падение Берлина» Чиаурели и «Сталинградская битва» В. Петрова (оба фильма вышли в 1949 году к 70-

¹⁰² Цит. по: <https://arpadhaizy.livejournal.com/4198753.html>

летнему юбилею вождя), в которых зрителю во всех подробностях преподносится стратегический гений Сталина, вдохновивший весь советский народ на победу над врагом. Складывалось впечатление, что для победы в войне решающее значение имел не героизм простых людей, ставших волею судьбы кто солдатами, а кто подпольщиками, но «блестящее руководство товарища Сталина», который в некоторых случаях воспринимался чуть ли не мессией. После смерти Сталина в 1953 году для советского общества (а вместе с ним и для культуры) наступила «оттепель». Ограничения на то, что можно и нельзя было сказать и представить, были ослаблены. В массовой культуре это проявилось и в военных фильмах, которые отразили стремление сформировать объективную и многогранную память о войне. В этих фильмах были и Победа, и трагедии войны, и особая эстетика военного времени. Среди них выделяются «Летят журавли» М. Калатозова (1957) и «Иваново детство» А. Тарковского (1962).

Эти фильмы сложны в их представлении военного времени, сформированном как культурной памятью о сталинской эпохе, так и трагическим опытом главных героев. Борис, один из главных персонажей фильма «Летят журавли», пал смертью героя, когда выносил раненого товарища с поля боя. В этом героизме состоит преемственность с более ранними советскими фильмами о войне. Обращение к проблемам психологии и эмоционального состояния отдельных персонажей на фоне войны, а не лидеров или коллективного «Я», акцентирование внимания на бедствиях, обрушившихся на простых людей, а не просто повествование о победоносных действиях Красной армии, и понимание войны как перелома в судьбах конкретных людей были отличительными чертами фильмов о войне того периода. В этих кинолентах победу над Германией одержали, понеся огромные потери, все народы СССР и их отдельные представители, а не только советское руководство, как в «Падении Берлина», или идеализированные образы, как в том же фильме «Она защищает Родину».

И «Летят журавли», и «Иваново детство» выводят этот героизм военной поры из исследования трагических последствий войны и её травмирующего

воздействия на людей. В «Журавлях» Вероника, получив известие о смерти своего жениха Бориса, а также на фоне гибели своих родителей в результате бомбёжки, не вполне осознавая реальность, поддаётся ухаживаниям Марка, двоюродного брата Бориса, имеющего бронь, как талантливый пианист. Позже она уходит от Марка, столкнувшись с моральными угрызениями, как неверная невеста и хочет покончить жизнь самоубийством. Вероника не вполне соответствует традиционным представлениям о советских женщинах: она не дожидается возвращения своего любимого, не воплощает в себе героический, жертвенный дух военного времени. Вместо этого она ведёт себя как обычный человек, оказавшийся в трудной жизненной ситуации. То есть здесь раскрывается типичная картина военной поры, когда люди не понимали, что делать и как нужно поступать.

В «Ивановом детстве» ещё более неоднозначно изображается советское общество военного времени: уничтожение деревни, где жил Ваня символизируют исковерканное детство целого поколения. Художественными средствами режиссёр противопоставляет довоенной идиллии взорвавшийся мир и разрушенное детство главного героя, насильно вовлечённого в происходящее: Иван клянётся отомстить за убийство его матери и сестры. В «Ивановом детстве» отсутствует пафос воздаяния, ничто не указывает на то, что трагедией войны можно объяснить его потерянное детство. Как и Вероника в «Журавлях», Иван безразличен к своей судьбе, его будущее разбито вдребезги фашистами, но в отличие от Вероники он не пережил войну – здесь режиссёр не оставляет даже намёка на возможность новой жизни. Иван пойман и обезглавлен, но, в отличие от юных героев военных фильмов, его смерть не приблизила победы, хотя последние сцены фильма повествуют о событиях в поверженном Берлине. Смерть Ивана это героизм конкретного человека, а не часть коллективной жертвы военной поры, но и она приобретает важное экзистенциальное значение с точки зрения будущего. Ведь каждая смерть – это купированная ветвь Древа Жизни, – дети которые не родятся, мечты, которые не осуществляются...

Великая Отечественная война всё ещё остаётся личным опытом и живой памятью для многих миллионов жителей нашей страны, но уже краткий обзор некоторых кинофильмов советского периода даёт основание говорить о переосмыслении войны в процессе формирования массовой культуры.

В последующую постсоветскую эпоху этот процесс принимал различные черты. Это и продолжение линии отражения войны как трагической и героической эпохи, которая проявила суть и власти, и армии, и народа, и каждого человека. Это и мифологизация военной истории, проявившаяся в принижении героического этоса войны, вплоть до отрицания целесообразности военно-политического курса руководства страны (и лично Сталина), приведшего к столь катастрофическим потерям, которые характеризуются как неоправданно большие.

В массовой культуре этот феномен нашёл отражение в появлении диаметрально противоположных концепций репрезентации этоса войны. Условно обозначим их как либертарианский и патриотический. С этих позиций художники продолжали создавать свои произведения на тему войны, преследуя соответствующие цели: одни, чтобы принизить ценность народного подвига для последующих поколений, другие чтобы защитить историческую память от нападок первых. В кинематографе, который в век глобализации во всех странах целиком и полностью развивается по одним и тем же принципам (коммерциализация, провокация, мистификация, автомодификация и т.п.), данный феномен выразился рафинировано. В последние годы вышли несколько римейков советских фильмов, появление которых как раз и вызвано желанием переосмыслить их содержание. Но в данном случае реновация содержания связана не с переменной в репрезентации событий или образах персонажей, а со сменой акцентов и расстановке ценностных ориентиров в обществе. Наглядный пример этой перемены в социальных ожиданиях содержится в фильме Алексея Сидорова «Т-34» (2019), который по сюжету является римейком фильма Н. Курихина и Л. Менакера «Жаворонок» (1964). В оригинальной картине главные герои, сбежав-

шие на танке из немецкого концлагеря, в конце концов все погибают. Последний был расстрелян из автоматов, когда пытался убрать с дороги пятилетнего мальчишку-немца, неожиданно выскочившего на пути танка (немой вопрос, а остановились бы в этой ситуации сами немцы?). В современном же фильме все герои фантастическим образом благополучно добираются до дома живыми. Именно подобный хеппи-энд востребован зрителем сегодня, а не катарсический финал большинства советских военных «блокбастеров», поэтому режиссёру пришлось нелегко, вписывая такую концовку в общую сюжетную канву. То есть сегодня мы можем заметить, что сформировался новый героический этос, который образно лучше всего можно выразить в известной поговорке на новый лад: «И товарища спасай, и сам выживай».

Равно и как «молодёжная» версия «А зори здесь тихие» (2015) Р. Давлетьярова, хоть и не оставляет выживших героинь, но всё же ставит акценты на других ценностно-этических установках. Некоторые критики, почему то не считают этот фильм римейком гениальной картины С. Ростоккого 1972 года, а называют его новым прочтением одноимённой повести Бориса Васильева, поскольку с художественной точки зрения здесь заложен иной, не трагический, а лирический лейтмотив. Но в кино о войне чистой лирики не было и не будет, по крайней мере, до тех пор, пока мы видим в войне не «женское лицо», а безобразную старуху с косой. Поэтому лирика военных лет, дошедшая до нас в великих песнях, стихах, балладах, в этом фильме направляет зрителей к другим переживаниям – тянущее чувство отчаяния от осознания невозможности начать всё сначала, повисший в риторическом вакууме вопрос об уместности своего пребывания в этом мире, отсутствие желанного идеала, путь к которому сулит выход из сложной ситуации и т.п.

Именно эти чувства довлеют над сегодняшней молодёжью, почему они и были обращены в контекст военного времени, контекст, который не терпит подобного ригоризма, который предельно прагматичен, лаконичен, жесток, чтобы показать всю иллюзорность современных «жизненных» проблем в сравнении с

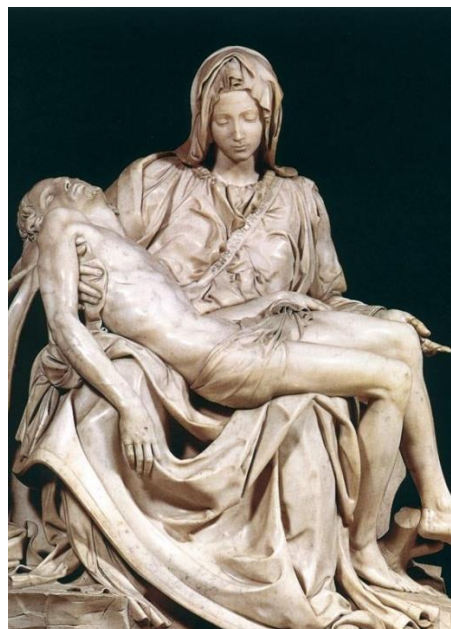
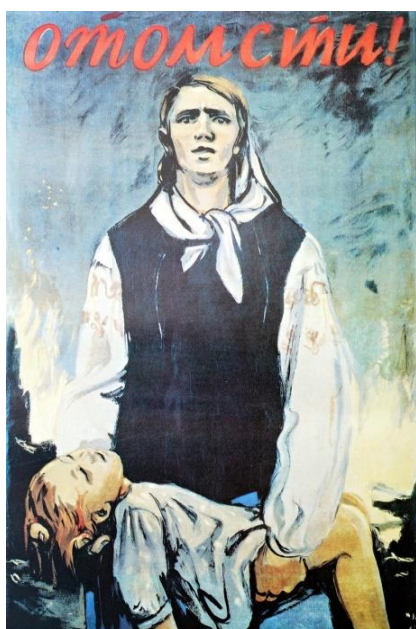
войной. Довольно часто приходится слышать избитый парафраз от людей старшего поколения – мол, «вы войны не видали». Но при этом никто искренне не пожелает кому бы то ни было испытать тяготы военной поры ещё раз. Поэтому в нашем общественном сознании эта война стала своего рода камертоном, позволяющий расставлять оценки самым разнообразным явлениям человеческого существования в настоящий момент времени. И, что крайне важно, этот посыл пока ещё находит понимание у молодого поколения, о чём красноречиво говорит тот лейтмотив, который заложен в кинофильме «Туман» (2010) и дилогии «Мы из будущего» (2008, 2010). При той доли мистификации, которая служит самым доступным способом для художественной реализации данного лейтмотива (ведь объективного средства погружения в историческую реальность прошлого пока нет), реальными становятся воспроизводимые в них ценностные императивы, один из которых заложен в слогане к кинофильму «Туман»: Родина – одна на все времена!

Если кино сумело донести до массового потребителя литературные образы и интерпретации войны, то изобразительное искусство (в первую очередь монументальная пластика) сумело воплотить в красках, камне и металле не только символы Победы, но и всю палитру человеческих чувств и эмоций военного времени. Особое значение в годы войны приобрёл плакатный жанр. Не вдаваясь в подробности анализа этого вида агитационно-пропагандистского искусства, отметим, что практически во всех воюющих странах ему отводилась существенная роль для консолидации всех общественных сил страны. Плакатное искусство для решения поставленной задачи – призыва, агитации, высмеивания или выражения сопричастности, – использовало самые глубинные, лежащие в подсознании архетипы. Всем известные советские плакаты периода Великой Отечественной войны апеллировали к героическому прошлому нашей страны, связывая в единой исторической преемственности традиционные и новые (советские) образы Воина-победителя, Родины-матери, Света, побеждающего Тьму и т.п. Воодушевляющие образы древних русских витязей буквально

стоят за спинами воинов Красной армии («Славна богатырями земля наша» В. Говоркова), как бы передающие своё духовное благословение на борьбу; или же образ простого крестьянина на фоне памятника Минину и Пожарскому в Москве («Наши силы неисчислимы» В. Корецкого), олицетворяющий непоколебимую уверенность в моральной силе нашего народа.

Женский лик войны на плакатах одновременно выражает и скорбь по убиенным («Отомсти!» Д. Шмаринова), и ненависть к врагу («Воин Красной армии, спаси!» В. Корецкого), и волю к созидательному труду, приближающему Победу («Воин, ответь Родине Победой» Д. Шмаринова). Но за этими выразительными символами читаются гораздо более древние архетипы, исходящие из глубин коллективного бессознательного, которые воплощались в образах Богородицы с младенцем Иисусом на руках или в теме «пьета», где Богородица уже оплакивает бездыханное тело Христа, держа его на своих руках – будто сошедшие с полотен художников эпохи Возрождения.

Наверное, ближе к истине будет сказать, что авторы плакатов пользовались классическими композиционными решениями, которые были им известны как художникам-профессионалам из курса истории живописи. Но столь проникновенные образы этих «мадонн» были созданы на основе индивидуального художественного и психологического переживания военных событий, а также коллективного восприятия поступавших сведений с оккупированных территорий и с полей сражений.

Средствами плакатного искусства возможно было точно и конкретно-содержательно выразить понимание сущности фашизма и его неминуемую судьбу. Художники метко подбирают ассоциативные ряды образов, чтобы

наглядным языком плаката обозначить своё видение этого явления и своё отношение к нему. Одновременно и реалистично, и метафорично это воплотилось в первом выпуске «Боевого карандаша», где коллектив авторов сформулировал четыре пункта сущности фашизма: тюрьма, война, голод и бескультурие. Характерно, что все эти пункты композиционно выстроены вокруг центрального рисунка, представляющего собой аллюзию на архетип Георгия-Победоносца: красный воин поражает штыком падшего ниц змея, имеющего явное сходство с Гитлером.

Другой плакат под названием «Все на Г» Д. Моора символически сочленяет начальные русские буквы «Г» в фамилиях четырёх нацистских главарей в фашистскую свастику, наглядно фиксируя в этом символе однозначную ассоциацию со всем тем, что неприемлемо, антигуманно и смертоносно. Этому воплотившемуся дьяволу противостоит светлое начало, которое на плакате «Убей фашиста-изувера!» В. Дени представлено в виде изящного полуобнажённого женского тела, над которым надругается существо в эсесовской фуражке. Контрастность данной картины, не лишённой постмодернистской эстетичности, служит средством создания синтагматизированного образа зла, с которым пришлось столкнуться всему человечеству.

Но нет ни малейшего сомнения в исходе этого противостояния: посланные Гитлером на восток фашистские полчища останутся здесь навсегда под деревянными крестами – именно такую судьбу предназначали им Кукрыниксы в своём плакате «Превращение фрицев». Таким образом, художники, подобно другим представителям мира искусства, вели свою войну с фашизмом доступными им средствами. Это тоже является важной составляющей Победы, ведь вдохновлённые борьбой они в своём творчестве подняли такие глубинные пласты духовности, подобрали поразительные, кажущиеся невозможными параллели, что это в свою очередь стало морально-психологическим фактором для подъёма нации.

Вечным символом войны останутся не только специально созданные памятники, но и «нерукотворные» напоминания о тех страшных событиях. Одиноко стоящий в поле остов танка, где заживо сгорел экипаж, покоящийся на дне моря штурмовик, или же нарочито оставленное не восстановленным здание как мемориал защитникам города – всё это суть зримые образы, прочно вошедшие в ткань массовой культуры народов, переживших ту войну. Бессмертными эти образы сделались потому, что память о событиях той войны бережно хранится и передаётся последующим поколениям. Трудно выбрать единственный, общепризнанный символ Великой Отечественной войны (с символами Победы это сделать проще), их довольно много. Но, всё же, на наш взгляд можно выделить один из образов, о котором уже говорилось выше, как вмещающий в себя все смыслы, этосы, пафосы, лики войны. Речь идёт о журавле, как символе разорванной войной мирной жизни.

В этом образе слились традиционные представления различных народов о семейных ценностях, наделяя птиц качествами человеческой души, но также он символизирует у некоторых народов Кавказа души павших воинов. Именно данную коннотацию образа журавля содержит в себе знаменитое стихотворение Расула Гамзатова, хотя первоначально поэт написал его на родном аварском языке, находясь под впечатлением истории Садако Сасаки.

Когда в 1968 году это стихотворение было опубликовано на русском языке, оно вмиг стало популярным, а вскоре превратилось в знаменитую песню, написанную Я. Френкелем и впервые исполненную М. Бернесом. Наверное, с тех пор можно говорить о всенародном символе Великой Отечественной войны, который становится базой для создания новых произведений искусства. По данным некоторых энтузиастов, на сегодня по всей России установлено более 150 монументов, в композиции которых присутствуют журавли,¹⁰³ 28 из них посвящены событиям Великой Отечественной войны, а нынешний год юбилея Победы был объявлен Союзом охраны птиц России ещё и годом журавлей. Ре-

¹⁰³ См. <http://polsergmich.blogspot.com/2015/10/39.html>

жиссёрская находка Михаила Калатозова сделала не только культовым его фильм «Летят журавли», но и породила волну принятия данного символа преодоления войны миром в массовой культуре, причём не только в нашей стране. Судя по тому, как был принят фильм в Каннах (единственный из советских фильмов, удостоенный высшей награды этого престижного кинофестиваля), образ журавлей (несмотря на то, что во французском переводе он назывался «Когда прилетают аисты», дабы избежать альтернативного смысла слова «grue») также был воспринят как символ превосходства мира над войной. Таким образом, мы видим, что наряду с официально утверждёнными символами Победы и мира (Голубь Мира, Родина-Мать, Георгиевская лента и др.) существуют, что называется, народные символы, которые происходят из глубины коллективной ментальности и потому становятся действительным элементом массовой культуры.

Конечно, никогда не будет двух людей, которые воспринимают войну абсолютно одинаково, особенно если говорить о потомках тех, кто тогда воевал друг против друга. Именно в нашей стране за последнее время появилось некоторое количество арт-объектов, интерпретация которых не укладывается в общепринятый концепт коллективной памяти о войне. Массовая культура предо-

ставляет место для артикуляции, обращения и восприятия памяти, выступая в качестве пространства, где воспоминания могут быть как принимаемыми, так и оспариваемыми. Однако это пространство не нейтрально. Процессы, посредством которых воспоминания о войне становятся объектами массовой культуры, протекают в конкретно-исторических контекстах. В ряде европейских стран ещё в 1980-х годах начались подобные процессы, так называемая «битва за историю Второй мировой войны», в которой массовая культура формировалась под влиянием реинтерпретации нарративных практик о войне. В той же Великобритании, например, вновь реанимируется циничная «черчиллевская риторика» о войне народов, которая отражает создание эгалитарного нарратива о победе (то есть концепция о якобы равном вкладе всех участников антигитлеровской коалиции в разгром фашистской Германии). Подобная реинтерпретация создала там общество, которое в своём движении вправо положило начало долгому процессу демонтажа «государства всеобщего благоденствия», отрицая приоритет социальных ценностей, чтобы подчеркнуть «новую угрозу» суверенитету, которую, как считают некоторые, представляет уже не Советский, а Европейский Союз.¹⁰⁴

Память культуры формируется во взаимодействии живого опыта и разнообразных форм его интерпретации (в искусстве, литературе, масс-медиа и т.д.), представляющие собой общее прошлое для всех наций. Здесь нужно понимать, что индивидуальные воспоминания есть то самое основание для формирования культуры памяти, а не наоборот. Поэтому те социальные и политические силы, которые стремятся выдавать за массовое восприятие войны инспирированные ими же идеи будут изо всех сил пытаться найти себе более широкую аудиторию. Именно такое понимание памяти о войне в массовой культуре, которое в принципе всегда оставалось лабильным и открытым для реинтерпретаций, должно фигурировать в нарративе о Великой Отечественной войне. Но все эти громоздкие эпистемологические конструкции, призванные обеспечить изуче-

¹⁰⁴ См. Thompson E.P. *Writing by Candlelight*. London: Merlin, 1980, p. 130.

ние проблемы в определённом ключе с завидной простотой великолепно замещаются одним жизненным примером. Когда наши ветераны Великой Отечественной войны пять лет назад посетили место на берегу Одера (Кюстринский плацдарм), где в марте 1945 года велись ожесточённые бои, к памятному знаку, возле которого все собрались, подошёл местный житель преклонного возраста. Оказалось, что этот немец тоже воевал здесь же... против них. Журналисты оставили их четверых наедине с собой, наблюдали издали. Те ещё долго общались, судя по жестам, вспоминали о событиях, происходивших на этом месте, а потом выпили вместе «на брудершафт»... Так, в чём же состоит эта культура памяти о войне?

Возможно для нас, для нашего народа, олицетворяющего Россию, культура памяти о войне – как Великой трагедии и Великой Победе «со слезами на глазах» воплощается в стремлении сохранить, защитить Отечество, которое отстаивали наши предки, и исполнить их мечту, их завет – сделать его справедливым, солидарным и процветающим.

4. Методические приемы изучения и обсуждения событий Второй мировой, Великой Отечественной войны в контексте новых интерпретаций

При организации занятий, посвященных освещению и интерпретации событий и итогов Великой Отечественной войны, следует исходить из целей изучения школьной истории в целом и тем «Вторая мировая война» и «Великая Отечественная война» в частности. В связи с этим подчеркиваем актуальность приказа МОиН РФ от 24.01.2012 № 39 «О внесении изменений в федеральный компонент государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования. В приказе подчеркивается опасность *«фальсификации прошлого России в современных условиях»*, *фальсификация новейшей истории России рассматривается как угроза национальной безопасности страны, рекомендуется рассмотреть с учащимися старших классов «методологические подходы по противодействию попыткам фальсификации ключевых событий отечественной истории»*.

Вопросы, посвященные событиям Великой Отечественной войны, изучаются на уроках, а также широко представлены во внеурочной и внеклассной работе. Обращение к этой теме призвано помочь учащимся глубже осознать подвиги нашего народа в грозные годы Великой Отечественной войны, показать связь нашего героического прошлого с современностью, осмыслить роль нашей страны в годы войны и в современном мире.

Содержание урока, мероприятия, проекта определяется его местом в системе учебно-воспитательной деятельности учреждения. Важно, чтобы учащиеся осознали ту огромную опасность, которую несет миру фашизм, и в этом контексте оценить непреходящее значение беспримерного подвига советского народа, который сегодня пытаются умалить.

Тема «Великая Отечественная война» на уроках и во внеурочной деятельности раскрывается через различные аспекты:

- военно-стратегические;

- организационно-хозяйственные;
- морально-психологические;
- внешнеполитические.

Особое воспитательное значение имеет раскрытие факторов победоносного исхода Великой Отечественной войны, ибо Победа – это не только военные успехи Советской Армии, это - результат, достигнутый всем советским *многонациональным* и *поликонфессиональным* народом, проявившим невиданную выдержку и терпение, невиданный героизм. Истоки побед удачно раскрываются через обращение учащихся к «малой истории», к истории своей семьи. Это была действительно Великая Победа, укрепившая авторитет СССР на мировой арене.

Дискуссии об итогах войны не утихают со дня Победы, с новой силой возникают в связи с памятными датами. Различные толкования значимых событий войны появляются на страницах популярной литературы, печатных СМИ, передач телевидения, радио, публикаций в Интернете.

Материалы, представленные в данной брошюре, позволяют организовать многоплановую познавательную деятельность учащихся, расширяющих рамки представлений о событиях военной истории Отечества 1941-1945 годов. Включение этих материалов в образовательный процесс способствует более глубокому осмыслению места и значения Великой Отечественной войны в истории страны, мира, формированию чувства патриотизма, гордости за героические страницы истории.

Организационные формы обучения при изучении истории Великой Отечественной войны в контексте новых интерпретаций, включая урочную и внеурочную деятельность, могут быть различны. Фронтальные формы работы с предложенными или другими источниками учитель может использовать на уроках при рассмотрении соответствующих тем. Педагогическая эффективность фронтальной работы во многом зависит от умения учителя держать в по-

ле зрения весь класс, если учителю удастся создать атмосферу творческой коллективной работы.

Групповые формы обучения актуальны при организации проектной или исследовательской деятельности учащихся.

Содержание урока и отобранная для анализа дополнительная информация определяют используемые учителем технологии. Бесспорно, создание условий для формирования самостоятельной, социально активной личности обуславливает использование современных образовательных технологий, позволяющих реализовать компетентностный подход к изучению истории.

В связи с этим актуальность приобретают активные и интерактивные методики. *Активные формы* работы предполагают субъектную роль ученика, выполнение им различных творческих заданий, диалоговые методики.

Интерактивные технологии предполагают взаимодействие учителя и учащихся в процессе познавательной деятельности. Такое взаимодействие формирует навыки сотрудничества, кооперации. В их числе при изучении темы «Великая Отечественная война» актуальны такие технологии, как проектные, кейс-технологии, дискуссионные, проблемные и др.

Проблемное обучение

Проблема – сложный вопрос, задача, требующие разрешения, исследования.

Проблемное обучение:

- направлено на самостоятельный поиск учащимися новых знаний, понятий, способов действия;
- предполагает последовательное выдвижение перед учащимися познавательных задач, которые ведут к решению проблемы;
- развивает мыслительные способности учащихся, обеспечивает прочность знаний.

Проблемные ситуации в обучении возникают:

- когда обнаруживается несоответствие между имеющимися материалами учебников и новыми интерпретациями;

- при необходимости выбора решения в многообразной ситуации, который обеспечит правильное решение проблемы;
- когда учащиеся сталкиваются с новыми условиями использования уже имеющихся знаний на практике.

В практике работы учителей истории и обществознания проблемное обучение (или его элементы) применяется довольно часто. Как правило, используется следующий алгоритм:

- 1) постановка проблемы;
- 2) осмысление проблемы, выдвижение гипотезы;
- 3) поиск решений проблемы, изучение фактического материала, источников, подбор аргументов для доказательства позиции;
- 4) общая дискуссия по проблеме;
- 5) обобщение, выводы.

В качестве проблемы при изучении истории Великой Отечественной войны вполне могут быть использованы материалы, представленные в теме «Истоки Второй мировой войны: исторические факты и псевдоисторические мифы», а также в разделе «Интерпретации истории Великой Отечественной войны: основные приемы и тенденции».

Кейс-технологии

Кейс-технологии являются разновидностью проблемно-ситуационного метода обучения. Под понятием «кейс» подразумевается описание реальной проблемной ситуации, связанной с каким-либо объектом или событием, и система вопросов и заданий, направленных на решение проблемы. Непосредственная цель обучения – совместными усилиями (или сначала индивидуально, затем коллективно) проанализировать возникшую ситуацию и выработать решение поставленной проблемы.

При изучении темы Великой Отечественной войны данная технология выглядит следующим образом. Учащимся представляется определённое толкование сюжетов войны (см. материалы брошюры), затем, после обсуждения раз-

личных источников (текст учебника, статистические материалы, видеофрагменты, подготовленные учащимися сообщения и др.) определяется истинность или ошибочность рассматриваемых утверждений.

Кейс-технологии направлены на формирование у школьников новых компетенций, обеспечивают практическую направленность занятий.

Обучение в режиме кейс-технологий способствует:

- развитию навыков анализа и критического мышления при работе с информацией;
- навыков сортировки информации, отбора необходимой для решения проблемы;
- генерации идей в контексте решения ключевой проблемы;
- развитию навыков анализа и оценки альтернативных вариантов решения проблемы;
- выбора или принятия решения в рамках решаемой задачи, в том числе в условиях неопределённости и разработки программы действий.

Важнейшей особенностью данной технологии является умение использовать теоретические знания для анализа различных проблем на основе конкретного (фактического) материала.

Содержание кейса составляется в соответствии с конкретными задачами обучения.

Кейс, как правило, состоит из следующих частей:

- описание проблемной ситуации (собственно кейс);
- перечень вопросов, на которые надо ответить, или заданий, которые необходимо выполнить при работе с кейсом;
- пакет документов, а также приложения, представляющие фактический материал в виде таблиц, графиков, схем, диаграмм, карточек, анкет.

Результатом занятия является развитие умений и навыков в работе с информацией, анализа, обоснования своих суждений, участия в коллективном принятии решений.

Алгоритм анализа конкретных ситуаций

1. Самостоятельный анализ предлагаемого материала.
2. Выделение в нём проблемы.
3. Поиск необходимый для решения проблемы информации.
4. Обсуждение в микрогруппах (3-5 человек) путей решения.
5. Совместная выработка вариантов решения в ходе дискуссии.
6. Коллективная выработка оптимального решения (или выбор 2-3 равноценных вариантов).
7. Сравнение учащимися своего варианта с коллективным решением и критическая оценка.

Дискуссия

Дискуссия призвана выявить существующее многообразие точек зрения участников на какую-либо проблему и при необходимости - дать всесторонний анализ каждой из них, а затем способствовать формированию собственного взгляда каждого учащегося на ту или иную проблему.

Характерный признак дискуссии – наличие различных точек зрения по обсуждаемому вопросу и защита участниками своей позиции.

Использование дискуссий в учебном процессе способствует развитию у школьников навыков ораторского мастерства и полемики.

Главная функция дискуссии – стимулирование познавательного интереса и развитие коммуникативных способностей.

Дискуссии предшествует основательная подготовка. Без достаточных *знаний* дискуссия становится беспредметной и бессодержательной. Без *умения* выразить мысли, навыков убеждения оппонента обсуждение становится запутанным, противоречивым, а подчас и безрезультативным. Участие в дискуссии требует умения:

- ясно и точно излагать свои мысли;
- четко и однозначно формулировать вопросы;
- аргументировать высказывания конкретными доказательствами.

Памятка участника дискуссии

- Говорить по существу, не уклоняясь от темы разговора.
- Излагать свои мысли кратко, чтобы дать возможность высказаться другим.
- С уважением относиться к позиции оппонента, стремиться его понять.
- Не искажать смысл высказываний оппонента, не передергивать факты.
- Контролировать свои эмоции.
- Стараться не высказываться по незнакомым вопросам.

Дебаты

Одной из форм проведения дискуссии являются *дебаты*. Соперничающие команды ведут спор вокруг четко сформулированного тезиса, который опровергает одна команда и защищает другая. Дебаты в учебном процессе достаточно распространены и как форма урока, и как его элемент.

Дебаты, как и другие технологии, способствуют формированию самостоятельности и критичности мышления, навыков системного анализа, собственной позиции, искусства аргументации.

При организации занятий в форме дебатов важно правильно выбрать тему. Не всякая тема может быть предметом дискуссии. Тема должна формулироваться в виде утверждения и не давать преимуществ ни одной из сторон, чтобы оппоненты могли одинаково эффективно приводить свои аргументы. На уроках, проводимых по данной технологии, должно обязательно присутствовать столкновение позиций. Его можно организовать по следующим линиям:

- определение понятий;
- критерии;
- аспекты;
- аргументы;
- доказательства поддержки.

Большинство видов дебатов предоставляют каждому участнику возможность отвечать на вопросы спикера оппонента. Раунд вопросов спикера одной команды и ответов спикера другой называется «перекрестными вопросами».

Вопросы могут быть направлены на разъяснение позиции, или на выявления ошибок у противника. Эффективность дебатов зависит от умения правильно формулировать вопросы и грамотно отвечать на них.

Проектные технологии

Метод проектов существенно меняет роль учащихся в учебном процессе: они выступают инициативными участниками процесса, у них вырабатывается собственный взгляд на информацию, они свободны в выборе способов и видов деятельности для достижения поставленной цели. Деятельностный характер проектной технологии позволяет формировать личностно значимые качества, к которым можно отнести умение работать в коллективе, принимать решение, брать на себя ответственность за решение, анализировать результаты деятельности.

Виды проектной деятельности

Проектная технология предполагает наличие проблемы, требующей исследования, формулировки гипотезы, планирование и разработку исследовательских действий, сбор данных, их анализ, синтез, обобщение, подготовку и написание сообщения, презентацию результатов.

Проекты различаются по организационным и содержательно-целевым основаниям. Так, по времени исполнения выделяют проекты, рассчитанные на длительный период (четверть, учебный год), или они могут быть краткосрочными.

По доминирующей деятельности выделяют следующие виды проектов:

— *исследовательские*, напоминающие научное исследование. Они предполагают выбор темы, связанной с решением творческой, исследовательской проблемы с характерными для любой научной работы методами исследования (определение задач исследования, выдвижение гипотезы, ее последующая проверка и т.д.);

— *прикладные*, нацеленные на получение конкретного результата деятельности;

— *информационные*, нацеленные на сбор и анализ информации о каком-либо явлении или объекте для представления аудитории;

— *ролевые и игровые*, направленные на реконструкцию или моделирование социальных или деловых ситуаций.

Проекты могут быть как индивидуальные, так и коллективные (групповые, общешкольные, межшкольные и т. д.).

Особое значение в работе над проектами имеют междисциплинарные связи. В практике часто встречаются исследования историко-географического, историко-обществоведческого, историко-литературного плана, комплексные исследования (проекты по краеведению, по национально-региональным проблемам).

Учебно-исследовательская деятельность

В практике работы учителей истории достаточно широко представлен опыт ученического исследования. Элементы исследования вводятся на уроке непосредственно. При достаточной подготовке учащихся иногда целый урок проводится в форме исследования. Обучение в данном случае выступает как совместный поиск учителя и ученика. Ученическое исследование как индивидуальная или групповая работа используется во внеурочной деятельности при подготовке к семинарам, конференциям, конкурсам.

По содержанию работы можно выделить следующие направления:

- историческое исследование теоретического характера в форме реферативной работы – учебное исследование;
- разработка проектов исследовательского характера.

Структура исследовательской работы

Ученическое исследование, как и научное, осуществляется и оформляется по определённым правилам, которые являются общепринятыми.

Завершённое исследование состоит из следующих структурных частей:

Введение. Оно, как правило, небольшое по объему. В нем обосновывается актуальность темы, цель и задачи исследования, методы и источники исследования, его теоретическая и практическая значимость.

Главы (их может быть 2-4) раскрывают содержание работы. Оно должно соответствовать теме исследования. В главах соответственно обозначенным пунктам (вопросам) и поставленным задачам излагаются теоретические аспекты темы и их аргументация. При этом важно умение исследователя именно аргументированно, вместе с тем логично и сжато излагать материал.

Иллюстративные материалы, конкретизирующие основные тезисы исследования, выносятся в приложения.

Заключение. В этой части работы подводятся итоги проведенного исследования. Основные выводы излагаются в соответствии с логикой исследования. Кроме того, в заключении содержится обобщенная оценка проделанной работы. Исследовательская работа соответствующим образом оформляется.

Технология развития критического мышления

Технология предлагает путь, помогающий усиливать рефлексивные механизмы в учебной деятельности. Это целостная система, формирующая навыки работы с информацией, — чтение и письмо.

Выделяются три основных стадии данной:

- вызов;
- осмысление;
- рефлексия.

Задача первой стадии — заинтересовать учащегося, создать ассоциации по изучаемому вопросу, мотивировать его. В рамках рассматриваемой проблематики в качестве вызова выступает высказывание, фрагмент источника, в котором содержится непривычное, вызывающее возражение или сомнение суждение, в качестве которого могут быть использованы материалы пособия.

На второй стадии идет работа непосредственно с информацией, представленной в дополнительных материалах, подготовленных учителем или учащи-

мися в рамках индивидуальных заданий по теме высказывания. Ученик должен воспринять информацию, усвоить ее. Приемы и методы технологии критического мышления позволяют сохранять активность ученика, делают чтение осмысленным.

На третьей стадии информация анализируется, творчески перерабатывается.

На каждой стадии выделяются свои приёмы и методы. Например, игра в ассоциации: «Какие ассоциации связаны с...», «Что вы знаете о...» и т. д. На стадии осмысления — активное чтение источника, его фрагмента, маркировка текста разными значками, составление таблицы.

Информационные технологии

Информационные технологии понимаются как совокупность определенных знаний и навыков в работе с компьютерными системами, предполагающими поиск и использование или создание баз и банков данных, электронных каталогов, электронных учебников, локальных сетей, Web-документов, то есть всего того, что получило название современные информационные системы. Учащиеся по заданию учителя могут подготовить групповые или индивидуальные презентации, сообщение по материалам различных сайтов, провести исследование.

Изучение истории, в том числе истории Великой Отечественной войны, призвано формировать *историческое мышление*, что предполагает развитие аналитических, сравнительно-сопоставительных навыков.

Работа с информацией

Умение работать с информацией предполагает умение извлекать информацию, обрабатывать её и переводить в новое качество;

В работе с представленными текстами развиваются такие навыки, как:

- понимание и интерпретация текстов;
- выделение основного смысла текста, события, явления, умение соотнести его со своим опытом и ценностями;

- умение получать, отбирать в соответствии с целями информацию, использовать её для достижения целей;
- передавать информацию из различных источников в преобразованном виде, создавать собственные тексты, выдвигать идеи, типологизировать, систематизировать и классифицировать их.

При работе с текстом важно продумать систему заданий учащимся. Это могут быть:

- задания репродуктивного характера (извлечение, воспроизведение, описание информации);
- задания, требующие структурирования и переработки информации (составление плана, тезисов, конспекта);
- задания, требующие преобразования текста, привлечение дополнительной информации (подготовка доклада, сообщения);
- задания, требующие осмысления, оценки и интерпретации информации;
- задания, предполагающие творческое применение информации (исследование, выдвижение гипотезы, своего способа решения проблемы, определение своего мнения).

Это далеко не полный перечень методических позиций, которые используются учителями при изучении тем «Вторая мировая война» и «Великая Отечественная война» в контексте новых интерпретаций и откровенной фальсификации. Для того, чтобы предметно обсуждать проблемы, связанные с военными событиями, нужны, прежде всего, знания, нужны навыки сравнительно-сопоставительного анализа различных текстов, навыки аргументированного выступления. Различные мероприятия, в том числе междисциплинарного характера (история - литература, история – география, история - обществознание), с использованием представленных материалов пособия создадут необходимую основу для многообразной познавательной деятельности.

5. Рекомендуемая литература и Интернет-ресурсы

5.1. Рекомендуемая литература

- Акаев В.Х.* Вторая мировая война в интерпретации западных и российских «исследователей»: попытки ревизии // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>)
- Александров А.А.* Битва ставок. Великое противостояние. 1941—1945. - М., 2003.
- Бекетов В. П.* Сотворение чуда. – М., 1995.
- Беляева В.И.* Британская историография мюнхенского сговора. Мюнхен: преддверие войны (Исторические очерки). М., 1989.
- Большаков А.П.* Освальд Мосли «Фашизм: 100 вопросов и ответов» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008, - № 5 (106).
- Большая ложь о войне.* Критика новейшей буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1971.
- Брагин М.* От Москвы до Берлина. Статьи и очерки военного корреспондента. — М., 1947.
- Брежнев Л. И.* Великая победа советского народа. – М., 1965.
- Бушуева Т.С.* Отношения СССР и Польши в контексте общих проблем истории Второй мировой войны // Россия в XX веке. Война 1941—1945 годов: современные подходы / Отв. ред. А.Н. Сахаров. - М., 2005.
- Великая оболганная война-2.* Нам не за что каяться!: Сборник / А. Дюков, Д. Макеев, И. Пыхалов, О. Россов, И. Петров, К. Асмолов, Н. Мендкович; ред.-сост. А. Дюков. — М., 2008.
- Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: Краткая история.* — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1984.
- Великая Отечественная война 1941–1945 гг.* – М., 1998.
- Великая Отечественная война 1941—1945 годов.* В 12 тт. — М., 2015.
- Вторая мировая война.* Краткая история. - М., 1985.
- Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны: (очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). - М., 1995.
- Гобозов И. А.* История и мораль // Философия и общество. - 2010. - № 1.
- Гриф секретности снят.* Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. - М., 1993.
- Давыдов В.Н.* Волонтеры реванша. 10 мифов о Великой Победе // Вестник РУДН. - Серия Международные отношения. - Июнь 2015. - том 15. - № 2.
- Давыдов В.Н.* Над картами тайной войны // Вестник границы России. 2000. № 3.
- Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, в 2-х тт. - М., 1973.
- Дипломатический словарь.* В 3-х томах. - М., 1971.
- Дорохов Н.И.* Разоблачение фальсификаций истории Великой отечественной войны — важное направление патриотического воспитания граждан Российской Федерации // Патриотизм народов России: традиции и современность (К

60-летию Победы советского народа над фашистской Германией в Великой отечественной войне 1941—1945 гг.). - М., 2003.

Емельянов Ю.В. 10 мифов о Великой Отечественной войне. - М., 2009;

Ерёмченко А.И. Против фальсификации истории Второй мировой войны. М., 1958.

Жилин П.А. и др. Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны. - М., 1983.

Жилин П.А., Якушевский А.С., Кульков Е.Н. Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны. Москва, 1983

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. - М., 1969, 1990.

Жуков Г.К. Курская битва. - М., 1970.

Замулин В.Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. - М., 2005.

Замятин Н.М., Болдырев П.С., Воробьев Ф.Д., Артемьев Н.Ф., Паротькин И.В. Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боёв Отечественной войны. Военно-Исторический Отдел Генерального Штаба Красной Армии. — М., 1945.

Исаев А.В., Морозов М.Э. Мифы Великой Отечественной. Сб. Ред. сост. Г. Пернавский. – М., 2008.

Израэлян В. Л. К вопросу о происхождении, характере и исторической роли антигитлеровской коалиции. — Против фальсификации истории второй мировой войны. М., 1964;

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. в 6 томах. – М., 1960-1965.

История Великой Отечественной войны. - М., 1961.

История внешней политики СССР. 1917—1945 гг., т. 1. М., 1980.

История Второй мировой войны 1939–1945 гг. в 12 томах. — М., 1973-1982.

Капитонова Н.К. Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Риббентропа-Молотова: от умиротворения к политике гарантий. «Завтра может быть уже поздно...». Вестник МГИМО-Университета, 2009, спец. вып. к 70-летию начала Второй мировой войны.

Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I—II. / Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М., 1997.

Кремлёв С. Мифы о 1945 годе. М., 2010.

Кузин В.И. Новая мифология о Великой Отечественной войне в средствах массовой информации // Великая Отечественная война: правда и вымысел: сб. статей. С-Пб., 2000.

Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. М., 1996.

Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне /Под ред. д.и.н. О.А. Ржешевского. – М., 1983.

Литвиненко В. К науке отношения не имеет. О «подсчетах» боевых потерь в ходе Великой Отечественной войны доктора филологии Бориса Соколова. – Скепсис. – 2007. – 18 мая. – URL: http://sceptis.net/library/id_1221.html.

Лопуховский Л. Н. Прохоровка. Без грифа секретности. - М., 2005.

- Людские* потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. статей. - СПб., 1995;
- Максудов С.* О фронтовых потерях Советской армии в годы Второй мировой войны. - Свободная мысль. – 1993. - № 10.
- Максудов С.* Потери населения СССР. Бенсон (Вермонт), 1989.
- Мировой фашизм* (сборник статей) / Мещеряков Николай Леонидович. М., 1923.
- Муриев Д.З.* Провал операции «Тайфун». – М., 1972.
- Мухин Ю.И.* Кто на самом деле развязал Вторую Мировую войну? М.: Яуза-пресс, 2010.
- Нарочницкая Н.А.* Историческая интерпретация Великой Отечественной войны // *Время и человек в зеркале гуманитарных исследований: Материалы Пятой международной летней культурно-антропологической школы молодых ученых "Культура - Образование - Человек": В 2-х тт.* / Отв. ред. А.В. Репринцев. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2003. - Т. 1
- Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2004.
- Население России в XX веке: Исторические очерки.* - М, 2001, Т. 2, 1940-1959 гг.
- Наука и квазинаучные формы культуры* / Отв. ред. Найдыш В.М. М., 1999.
- Никифоров Ю.А.* Современные российские историки о причинах второй мировой войны и нападении германии на советский союз // URL: <http://history.milportal.ru/sovremennye-rossijskie-istoriki-o-prichinax-vtoroj-mirovoj-vojny-i-napadenii-germanii-na-sovetskij-soyuz/>
- Переписка* Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – М., 1976. – В 2-х тт. - http://www.hrono.ru/libris/stalin/stalin1941_45.php
- Плетушков М.С., Якушевский А.С.* Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // *Великая Отечественная война: (историография).* Сб. обзоров. М., 1995.
- Поликарпов М.* Крушение «Цитадели». Почему мы проиграли сражение под Прохоровкой, но выиграли Курскую битву? // *Новое время.* – 2003. - № 27.
- Поляков Ю.М.* Лезгинка на Лобном месте. М., 2014.
- Помогайбо А.* Псевдоисторик Суворов и загадки второй мировой войны. М.: Вече, 2002.
- Грызун В.* Как Виктор Суворов сочинял историю. М., 2003.
- Исаев А.* Антисуворов. М., 2004.
- Проблемы истории второй мировой войны.* Протокол научной сессии в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 года. Доклады и дискуссии по теме: Важнейшие направления в реакционной историографии второй мировой войны. М., 1959.
- Реутов Г.Н.* Правда и вымысел о Второй мировой войне (Английская буржуазная историография о происхождении Второй мировой войны, внешней политике Англии и международных отношениях 1939–1945 гг.). М., 1967.
- Ржешевский О.А.* Война и дипломатия. М., 1997.

- Ржешевский О.А.* Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. - Изд. 2-е, доп и перер. – М., 1984.
- Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. М., 2004.
- Ржешевский О.А.,* Кульков Е.Н., Мягков М.Ю. Все о великой войне. М., 2010.
- Русский архив:* Великая Отечественная. Т.12-25. - М.: Терра, 1997-1998.
- Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии. Исторический очерк. М., 1980,
- Сандомирский Г.Б.* Фашизм. В 2-х ч. - М.-Пг., 1923.
- Севастьянов П. Я.* Перед великим испытанием. Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 1981.
- Сиполс В.Я.* Великая Победа и дипломатия. М., 2000.
- Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939—1941. М., 1997.
- Сорокин А.Н.* Пакт Молотова – Риббентропа: основные направления изучения в современной историографии ФРГ // Вестник СПбГУ. – Сер.2. – 2015. – Вып.2.
- СССР – Австрия:* Документы и материалы. М., 1980.
- Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне. – М., 1946.
- Трубайчук А.Ф.* Пакт о ненападении. Была ли альтернатива Второй мировой войне. – Киев, 1990.
- Фалин В.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000.
- Фальсификаторы истории* (историческая справка). М., 1948.
- Федоров К.В.* Проблема ответственности за развязывание Второй мировой войны в зарубежной историографии 1945–1990 гг. Гуманитарный журнал, 2015, вып. 7. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/271.html>.
- Фролов М. И.,* Кузенкова М. В. Историко-правовые оценки пакта Молотова – Риббентропа // История и современность // сайт Научная электронная библиотека «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>)
- Чельшев И.А.* Международная политика СССР накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941) // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994.
- Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. – М., 1968.
- Шубин А.В.* Мир на краю бездны https://royallib.com/book/shubin_aleksandr/mir_na_krayu_bezdni.html/.

5.2. Фальсификаторы за работой

- Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. М., 2000.
- Бобылёв П.Н.* К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. - 1995. - № 5.
- Данилов В.Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отечественная история. - 1995. - № 3.
- Кольковский В.* Рузвельт против Сталина: Победа США. Поражение СССР. М., 2004.

Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая-июня 1941 г. о событиях второй мировой войны // Отечественная история. - 1995. - № 2.

Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 г.: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. - 1994. - № 3.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000.

Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. М., 1994.

Наджафов Д.Г. Начало второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова-Риббентропа // Война и политика. М., 1999.

Невежин В.А. Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны // Отечественная история. - 1995. - № 2.

Сафир В. Ещё раз о Прохоровском сражении. Две книги – два подхода. – URL: <http://www.volk59.narod.ru/Safir.htm>.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. М., 1992;

Соколов Б.В. Цена Победы. – М., 1990.

Соколов Б.В. Цена потерь – цена системы. – Независимая газета. – 1993. – 22 июня.

Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб., 1998.

Соколов В.Б. Тайны второй мировой. М., 2001;

Солонин М. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М., 2006.

Суворов В. «Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?» М., 2000

5.3. Зарубежная литература

Арендт Х. О насилии. М., 2014.

Гальдер Ф. Военный дневник. В 3-х тт. Пер. с нем. - М., 1971.

Мосли Л. Утраченное время: Как начиналась вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. М., 1972.

Роковые решения. Пер. с англ. - М., 1958.

Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: От британской к австро-баварской «расе господ» / Пер. с нем. - СПб.: Академический проект, 2003.

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. Пер. с нем. - М., 1990

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. - М., 1998.

Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Пер. с англ. - М., 2010.

Шелленберг В. Мемуары (Лабиринт). Пер. с нем. - Минск, 1995.

Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. Пер. с англ. - М., 1980.

* * *

Allen W.E.D., Muratoff Paul. The Russian Campaigns of 1941–1943. New York, Penguin, 1944.

Allen W.E.D., Muratoff Paul. The Russian Campaigns of 1944–1945. New York, Penguin, 1946.

Baldwin H. Battles Lost and Won: Great Campaigns of World War II. New York, 1966. (Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны. - М., 2002).

Blanchot Maurice. L'Écriture du désastre. Gallimard, 1980.

Baldwin H. The Crucial Years. 1939-1941. New York, 1976.

Caidin M. The Tigers are Burning . New York, 1974.

Communist Power in Europe: 1944-1949. London, 1977.

Cooper L. Many Roads to Moscow - London, 1968.

Freund M. Deutsche Geschichte. Berlin u.a., 1973.

Graham Dawson. Soldier Heroes: British Adventure, Empire and the Imagining of Masculinity. London: Routledge, 1994.

Jacobsen H.-A. 1939-1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, S. 357 // URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/weltz/16.html>.

Jonas Hans. Der Gottesbegriff nach Auschwitz: eine jüdische Stimme. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1987.

McCauley M. Communist Power in Europe: 1944-1949. London, 1977.

Meinecke Friedrich. Die deutsche Katastrophe: Betrachtungen und Erinnerungen. Lexxion Verlag, 2018

Quint H. Die Wendepunkte des Krieges. Stuttgart, 1954.

Salisbury H. The Unknown War New York: Bantam Books, 1978.

Seydlitz W. Stalingrad. Konflikt und Konsequenz. Erinnerungen. Oldenburg, 1977.

Shenton J., Jakoubek R. The United States. Boston, 1978.

Stokesbury J. A Short History of World War II. - Recorded Books, 1991.

Thompson E.P. Writing by Candlelight. London: Merlin, 1980.

Turney A. Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941—1942. Albuquerque, 1970.

United States Army in World War II: Publications of the U. S. Army Center of Military History. Washington, 1982;

War in the East. The Russo-German Conflict 1941-1945. – USA, 1977.

World War II from American Perspective. An annotated bibliography. Santa Barbara. California, 1983.

Zeigler J. World War II: Books in English, 1945—1965. Stanford, 197.

Ziemke E. Stalingrad to Berlin Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East, Dorset Press, 1986. // Армейская историческая серия URL: <https://www.ibiblio.org/hyperwar/USA/USA-EF-Defeat/>

Zierer O. Deutschland: Kleine Geschichte Grosser Nation, Gütersloh, 1976

5.2. Интернет-ресурсы

Подробный список научной и популярной литературы, а также саму литературу можно найти:

на сайте Военная литература // Вторая мировая война 1939-1945. - <http://militera.lib.ru/1/cats/wars/20/1941-1945.html>

на сайте Научная электронная библиотека «Киберленинка». -
<https://cyberleninka.ru>

на сайте Армейская историческая серия. -
<https://www.ibiblio.org/hyperwar/USA/USA-EF-Defeat/>

Картография на сайте – <https://pamyat-naroda.ru/>